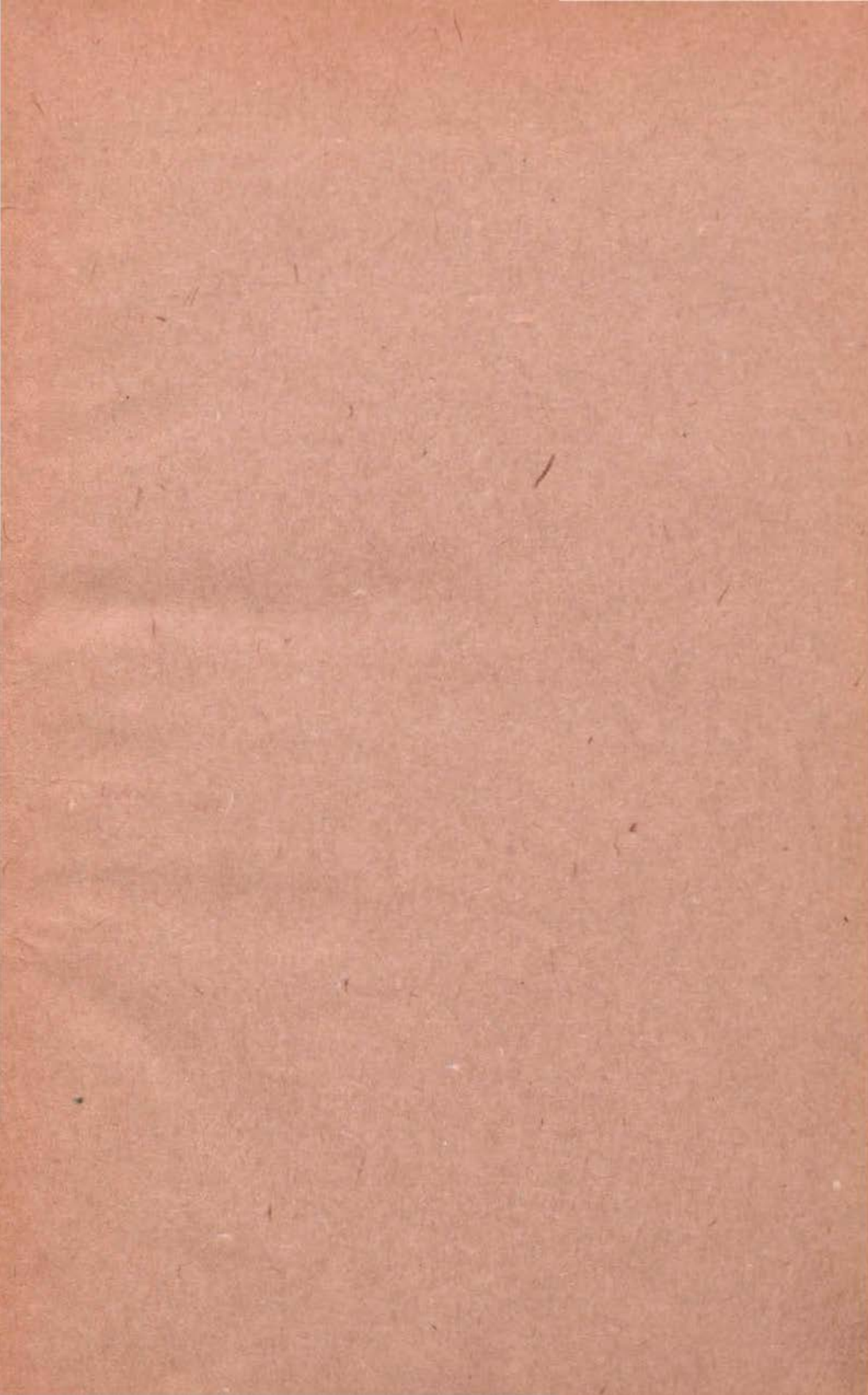
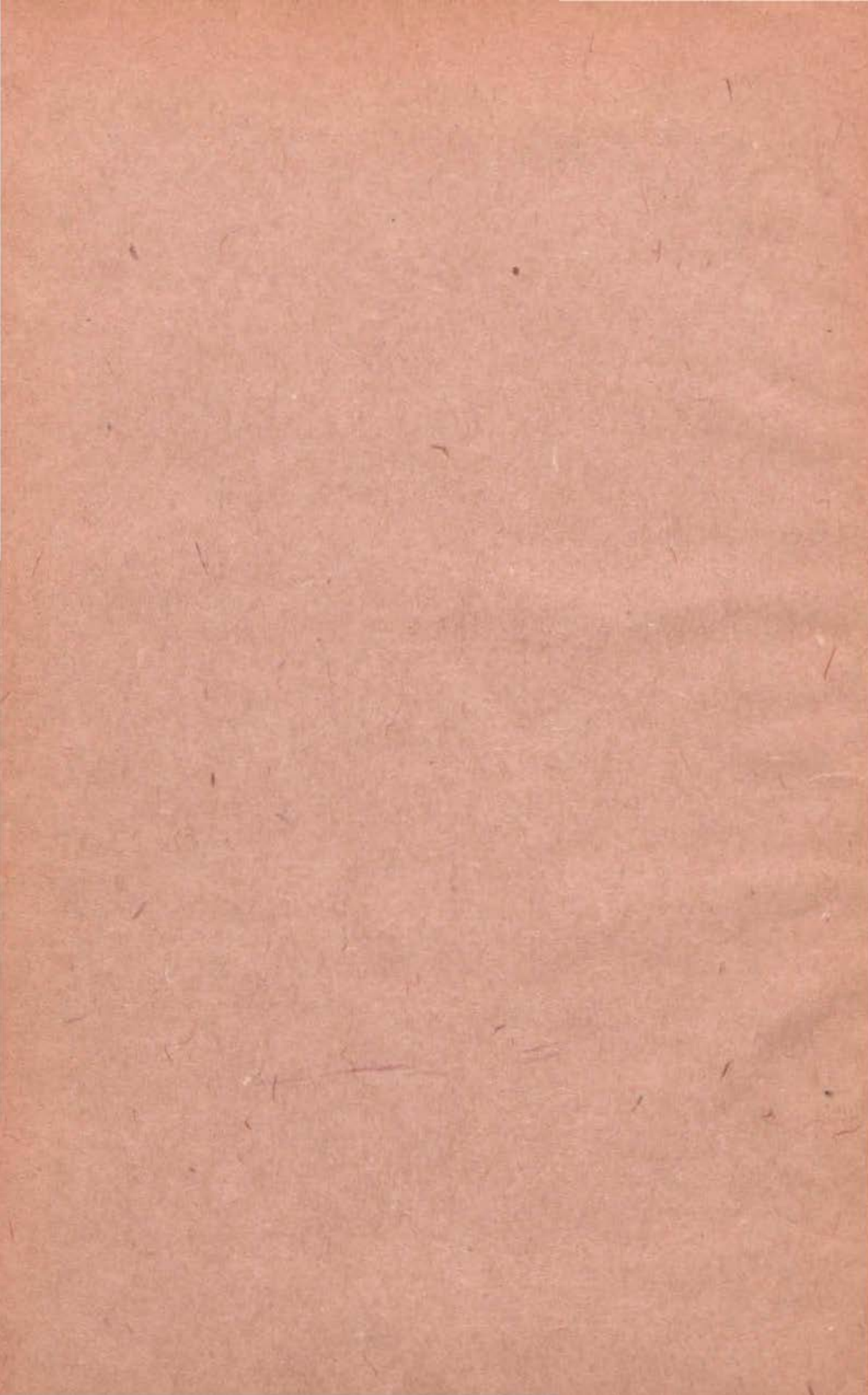

W $\frac{65}{571}$

ичерин.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

65
571
РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ.

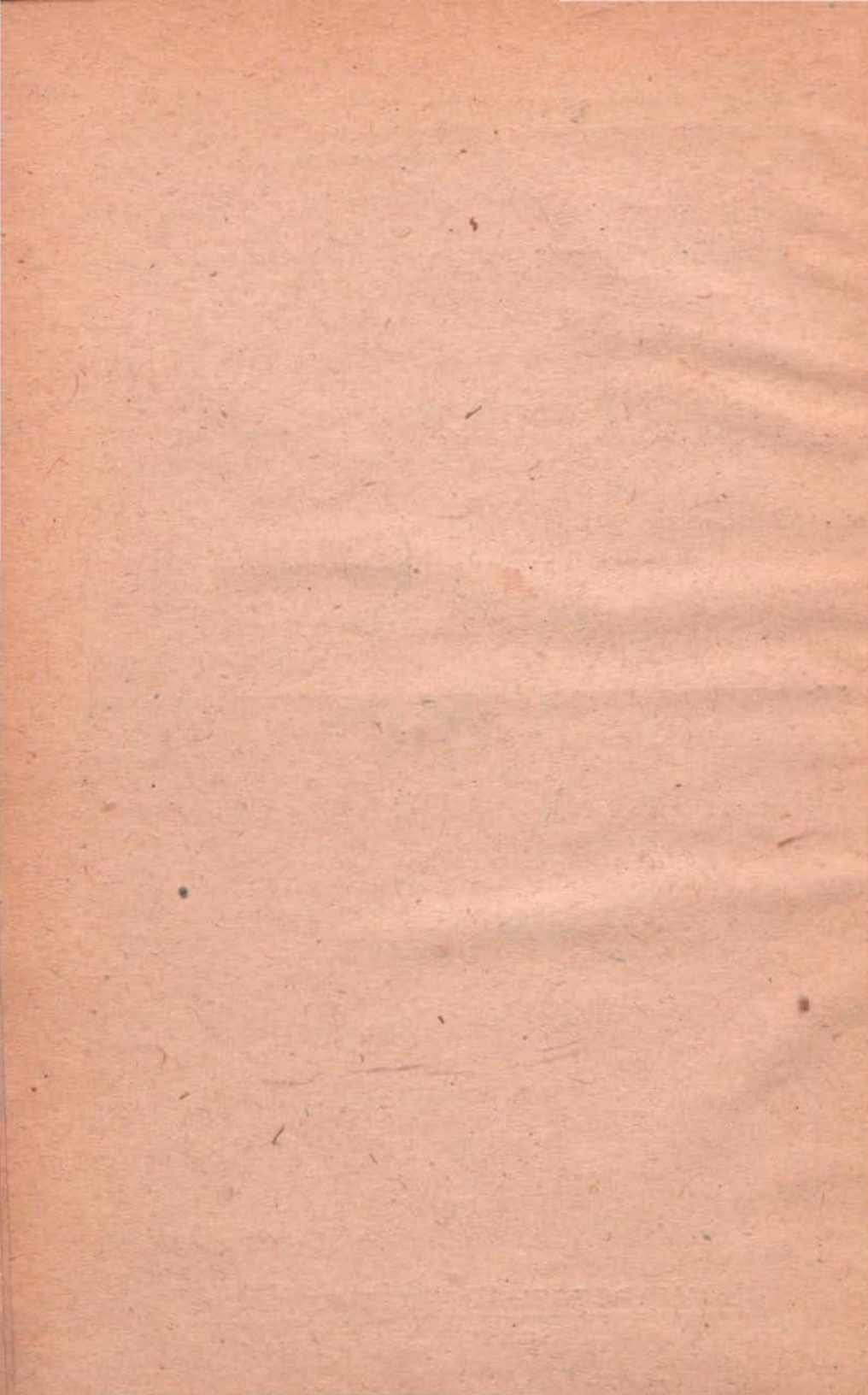
Георгий Чичерин.

**ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ
ЮНОШЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.**

С ПРЕДИСЛОВИЕМ О. СКАРА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва—1920 г.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

W 65
571
РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Георгий Чичерин.

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ
ЮНОШЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ О. СКАРА.

CK

~~Москва~~

XX - 1888

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва—1920 г.

17-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш. Кушнерова) Пименовская ул.
Москва—1920.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Юношеский Интернационал“, „Союзы Молодежи“, „движение молодежи“—все это слова, почти ничего не говорящие рядовому читателю. А между тем социалистическое юношеское движение на Западе имело громадное значение в деле роста и распространения социалистической пропаганды, оказало большое оздоравливающее влияние на развитие и характер западных социалистических партий.

Движение молодежи, как увидит читатель дальше, насчитывает в отдельных странах несколько десятков лет своего существования, имеет свои органы, свои съезды, свое международное объединение. В эпоху мировой войны и гражданского мира, провозглашенного большинством социалистических партий Запада, социалистические юношеские организации частью полностью, частью (после происшедшего раскола) в своем громадном большинстве остались верны заветам Интернационала и явились наиболее смелыми и отважными борцами против социал-патриотического дурмана, охватившего рабочий класс. Сотни и тысячи членов юношеских организаций различных стран погибли за дело социализма, за агитацию и борьбу против войны, за призывы к восстанию и революции. Сотни и тысячи молодых бойцов томятся и посейчас в различных тюрьмах Запада. С движением молодежи, с его борь-

бой против милитаризма и войны тесно связано имя погибшего величайшего борца за коммунизм т. Карла Либкнехта.

В настоящее время, в переживаемый нами период наращения всемирной коммунистической революции, движение молодежи идет под лозунгами коммунизма, под лозунгами III Интернационала. Можно смело сказать что именно вокруг юношеских социалистических организаций, при живейшем участии самой радикальной революционно-социалистической молодежи, сгруппировались и создались ядра большинства коммунистических партий Запада. Почти все союзы молодежи примкнули сейчас на своих съездах и конгрессах к III Коммунистическому Интернационалу.

Настоящая брошюра тов. Чичерина является почти первым изданием в нашей литературе по вопросу о социалистическом юношеском движении¹⁾. Условия работы, невозможность достать в настоящее время материалы и литературу по этому вопросу отразились на характере брошюры. Это не полная история зарождения и развития социалистического юношеского движения на Западе, это — лишь отдельные очерки движения в различных странах. Почти нет здесь и описания жизни и работы юношеских организаций в 1916—19 годы. Большого сейчас дать невозможно. Но и в таком виде предлагаемая брошюра несомненно явится ценнейшим вкладом и послужит началом нашей литературы об юношеском движении.

Сейчас мы наблюдаем рост коммунистического движения молодежи в России. Из этих очерков сознательные молодые рабочие и крестьяне России увидят, как работали и боролись их братья на Западе. Они увидят, как зароди-

¹⁾ До сих пор по этому вопросу были две небольших брошюры: Пилецкой „Социалдемократия и рабочая молодежь“ и Юзефовича „Социалистическое движение молодежи на Западе и в России“. Но обе они отличаются страшной краткостью и почти полным отсутствием фактического материала.

лось, крепло и росло, несмотря ни на какие гонения и преследования буржуазии, несмотря на имевшееся вначале недружелюбное отношение взрослых рабочих, западное движение молодежи, вызванное и жившее самостоятельностью самой молодежи. В этих очерках сознательная коммунистическая молодежь России почерпнет новые силы, новую бодрость для борьбы и работы, почерпнет уверенность в окончательной победе коммунизма.

О. Скар.

В виду того, что Союз Коммунистической Молодежи обратился ко мне с просьбой изложить в виде связного очерка имеющиеся в моем распоряжении данные об истории развития социалистического движения молодежи во всех странах, я считаю долгом попытаться исполнить эту просьбу, несмотря на отсутствие у меня печатных материалов. Во время моих продолжительных скитаний по разным странам Западной Европы я не только входил в контакт с движением социалистической молодежи разных стран, но и специально им интересовался. Однако обстоятельства не позволили мне привезти с собой каких-либо печатных материалов, и мне приходится исключительно полагаться на свою память, что делает для меня совершенно невозможным сообщение точных хронологических и цифровых данных. Я могу лишь в основных чертах набросать картину развития движения социалистической молодежи, как она врезалась в мою память, и воспроизвести некоторые конкретные впечатления, вынесенные мною из моего соприкосновения с ним.

Георгий Чичерин.

Октябрь 1919 г.

I.

Движение рабочей молодежи, имеющее целью ее организацию для борьбы на классовой почве, появляется на свет во время революции 1848 года в Австрии. Находившиеся в особо тяжелых условиях существования ремесленные ученики в момент „весны народов“ в Австрии впервые произвели попытку объединиться, сорганизоваться, совместными силами бороться за улучшение собственного положения и участвовать в общей борьбе рабочего класса за лучшее будущее. Создавшиеся в тот момент в Вене организации ремесленного ученичества прежде всего выступили с требованиями профессионального характера, имевшими целью ослабить гнет эксплуатации и притеснений и дать ему возможность позаботиться о своем общечеловеческом и профессиональном развитии. Но в это бурное время для них не оказалось возможным много заниматься своими профессиональными вопросами. Эти молодые организации были сейчас же вовлечены в общий поток революционной борьбы. Их члены принимали деятельное участие в уличных боях на баррикадах Вены, при чем они специально занимались тем, что готовили и приносили на баррикады аммуницию для своих старших соратников. Члены юношеских организаций, занимавшиеся изготовлением аммуниции и проникавшие в самые опасные места уличных боев для снабжения сражающихся на баррикадах народных героев необходимыми военными материалами,—эти картины остались в памяти австрийского рабочего класса, как незабвенное воспоминание из периода его первых революционных выступлений. Когда восторжествовала грубая сила солдатчины и кровавые репрессии захлестнули Вену, юношеские организации точно также были в числе пострадавших и насчитывали в своих рядах большое количество мучеников за дело революции. Те из их членов которые не были расстреляны в момент торжества контр-революции или, так или иначе, не успели скрыться, были на много лет заперты в те мрачные австрийские крепости, где отбывали

наказание борцы революции, жизнь которых была пощажена. В крепостях они подвергались самому суровому режиму, и их употребляли для наиболее тяжелых и неприятных работ. Образ члена юношеской организации, подвергающегося в стенах мрачной крепости всевозможным суровым карам и исполняющего тяжелые работы, также остался в памяти австрийского рабочего класса, как одно из воспоминаний периода наиболее тяжелых испытаний.

Прошло почти полстолетия, пока юношеское рабочее движение воскресло снова, уже в связи с грандиозным ростом второго рабочего Интернационала. Первый период нового юношеского рабочего движения, начавшийся с середины восьмидесятих годов, отличается тем, что это движение возникает сначала в разных странах независимо одно от другого, чисто стихийно, незаметно и лишь постепенно выливается в более широкие организационные формы и обнаруживает стремление сначала к общенациональным объединениям, а затем к интернациональной организации. Повсюду в различных степенях выдвигаются три основных задачи юношеского движения: первая—антимилитаристская пропаганда, борьба против влияния военной идеологии на молодые умы и подготовка молодежи к отпору в случае участия войск в гражданской войне, а затем и против войны вообще; вторая—борьба за улучшение положения молодых работников и учеников, за их профессиональные интересы, за их юридические права, за возможность для них продолжать образование и за улучшение гигиенических условий их существования; третья—саморазвитие, культурно-просветительная деятельность внутри своих организаций, руководимых своими избранными представителями, при чем на первый план выдвигается классовое саморазвитие и изучение социальных наук, и к нему прибавляется общее культурное развитие и изучение, наук и искусств. В зависимости от местных условий те или другие из этих трех задач выдвигаются в большей или меньшей степени на первый план в юношеском движении разных стран, но в общем ими определяется повсюду его основной характер. Более глубокое понимание значения юношеского рабочего движения, постановка перед ним более широких мировых задач начали выступать лишь в недавнем прошлом, уже в двадцатом столетии.

Незаметно назревавшее почти повсеместно юношеское движение впервые выступает и принимает конкретные организационные формы в Бельгии в лице так называемой молодой

гвардии. Средине восьмидесятых годов в Бельгии была временем грандиозных народных движений, громадных стачек, диких репрессий и направленных против принявшего бурные формы рабочего движения массовых кровопусканий. Было объявлено военное положение и происходили постоянные расстрелы рабочих собраний или манифестаций. Роль палачей, которую при этом играли вышедшие из рабочего класса солдаты, и беспрекословное повиновение последних своему начальству впервые внушили мысль о том, что для успешной борьбы против государственного аппарата принуждения необходимо развитие среди молодежи антимилитаристского движения. Почти одновременно возникли именно с этой целью организации молодежи во Фламандской части Бельгии, главным образом в Антверпене и Генте, в Валлонской части, главным образом в центрах тяжелой металлургии, и в государственном центре Бельгии— в Брабанте с его главным городом, столицей Бельгии, Брюсселем. При сильно развитой в Бельгии локальной ¹⁾ жизни ее провинций и больших городов, при недостаточной слитости в одно целое ее различных национальных частей, движение молодежи приняло характер параллельных течений, лишь несовершенно между собою соединенных и не слившихся в одно целое. Это деление бельгийского юношеского движения на отдельные местные движения служило все время для него тормазом и заставляло разбрасывать силы там, где задачи движения требовали их объединения. Во всех трех частях Бельгии организованная рабочая молодежь одинаково стала называться „молодой гвардией“ и ставила перед собой одинаковые задачи. Органы молодой гвардии, носившие различные названия, выходили параллельно на французском и фламандском языках в различных городах, при чем вследствие недостатка сил и средств они периодически то появлялись, то снова исчезали. Главным агитационным средством молодой гвардии были внушительные манифестации, направленные против милитаризма и, главным образом, приурочивавшиеся к моменту призыва новобранцев. В виду того, что в Бельгии существовал крайне несовершенный закон о воинской повинности, позволявший нанимать вместо себя заместителя и тем самым дававший возможность богатой молодежи откупаться от военной службы, выставляя вместо себя бедняка, демонстрации молодой гвардии были направляемы не только против милитаризма вообще,

¹⁾ Т.-е. в различных частях страны имеющей свои определенные отличающиеся одна от другой формы, как-то свои обычаи, нравы, свой язык, свои занятия и т. д.

но и в частности против дефектов бельгийского закона о воинской повинности, в особенности против системы заместительства. В Бельгии одновременно с армией существовала так называемая гражданская гвардия, состоявшая из представителей зажиточных классов и употреблявшаяся для борьбы против внутреннего врага, ибо в этих случаях на общенародную армию правительство не считало возможным полагаться. Демонстрации молодой гвардии были поэтому часто направляемы и против существования и реакционных поползновений гражданской гвардии. В день призыва новобранцев манифестации молодой гвардии принимали грандиозный характер, по всему городу проходили шествия с красными знаменами с пением революционных песен, при чем участники одевались в траурное платье и надевали на шляпы креп. Первый из членов молодой гвардии, которому нужно было вытаскивать жребий, вместо этого произносил зажигательную речь и отказывался тянуть жребий, так что вместо этого подвергался зачислению в армию насильственно. Точно также и другие члены молодой гвардии следовали его примеру и отказывались участвовать в церемонии вытаскивания жребия. За молодыми людьми, участвовавшими в этих демонстрациях, следовали в большом количестве члены их семейств и их знакомые, так что такие демонстрации принимали, действительно, широкий характер, охватывая большие массы народа.

Борьба против несовершенства военного закона продолжалась в Бельгии много лет, но, наконец, закончилась реформой армии и уничтожением системы заместительства. После введения в Бельгии улучшенного закона о воинской повинности исчез один из прежних стимулов для движения молодой гвардии и устраиваемых ею демонстраций. После этого в течение нескольких лет юношеское движение в Бельгии несколько ослабело, так как оно перед этим питалось в большой мере негодованием, вызывавшимся системой заместительства и другими особо яркими несовершенствами прежнего военного закона.

Этим, конечно, даже в тот первый период развития бельгийского юношеского движения его содержание не исчерпывалось. Менее бросалась в глаза другая его сторона, а именно его культурно-просветительная работа. В первый период развития бельгийского юношеского движения к нему, как это, впрочем, имело место и повсюду, относились с крайним недоверием старшие поколения. На членов молодой гвардии смотрели как на нахалов и выскочек, не признававших никаких авторитетов, анархически настроенных, стремившихся к внешним шумным демон-

страциям, а не к серьезной работе. В действительности производившаяся юношеским движением культурно-просветительная работа постепенно заставила противников молодой гвардии отказаться от враждебного к ней отношения. Через молодую гвардию прошло большинство деятелей бельгийского рабочего движения, сыгравших вслед за этим видную роль в рабочей партии и политической жизни Бельгии. Когда несколько лет тому назад торжественно праздновался двадцатипятилетний юбилей существования молодой гвардии, на торжественном банкете участвовали многие виднейшие члены бельгийской рабочей партии, первый период деятельности которых в свое время протекал в рядах молодой гвардии.

Отношения к старшим поколениям и права юношеских организаций в рядах рабочей партии, бывшие в других странах предметом самой ожесточенной борьбы и нередко приводившие к жестоким преследованиям юношеских организаций со стороны официальной партии, в Бельгии никогда острого характера не принимали. Этому способствовало отсутствие централизации в бельгийской рабочей партии, представляющей до сих пор конгломерат самых разнообразных групп, организаций и союзов. Местные политические группы, преследующие больше всего избирательные цели, местные группы профессиональных союзов, местные кооперативы, всевозможные местные культурно-просветительные организации, вплоть до певческих хоров и рабочих оркестров,—все вместе составляют рабочую партию. Когда в числе других разношерстных организаций появились в рядах рабочей партии молодые гвардии, их появление могло совершиться вполне безболезненно. При этом руководители рабочей партии заботились о том, чтобы в центральных инстанциях партии молодые гвардии могли принять также некоторое участие.

На общих конгрессах рабочей партии обыкновенно устраивалось так, что в центральных учреждениях рабочей партии бывали некоторые члены и из состава молодых гвардий. Собственно, борьба из-за положения юношеских организаций в официальной партии, повсеместно принявшая острый характер в течение последнего десятилетия, в самой Бельгии обострилась уже перед самой войной, и на этой почве происходила борьба внутри бельгийской рабочей партии в 1914 году, в связи с попыткой выделения политических организаций рабочего движения в особое целое, при чем противники полноправного юношеского движения не желали включить его в состав политических организаций. Возможно, что, если бы не вспыхнула война, на этой почве в

виду существовавшего сильного движения против полноправности юношеских организаций, возникли бы самые острые конфликты. Вместе с развитием министерализма и крайнего оппортунизма на верхах рабочей партии молодые гвардии в Бельгии, как и в других странах, часто примыкали к оппозиции против партийных верхов, и в их рядах насчитывались некоторые из наиболее энергичных представителей революционного течения, вызывавшего со стороны вершителей судеб официальной партии крайне враждебное отношение. В Бельгии, впрочем, этот антагонизм не принял такого острого характера, как во Франции и в Германии.

II.

Совершенно другой характер, чем в Бельгии, приняло с самого начала юношеское движение в Австрии.

В эту мещанско-крестьянскую страну мелкого производства, городского ремесла, глубоко проникших в народные массы католических традиций, вторглось современное крупное производство, разрушая старые хозяйственные формы и традиционный быт, возводя недалеко от немощных улиц и одноэтажных лачужек великолепные громадные здания и проникая в горные долины с базальтовыми скалами, шумящими водопадами и живописными избушками, приютом нищенствующей домашней промышленности, в виде прозаических заводов, нарушающих первобытную цельность картин природы и вносящих в нее шум и движение современности. С одной стороны, разоряемое конкуренцией могучего соперника, мелкое городское ремесло прибегало к безграничной эксплуатации попадающих в его лапы наиболее беззащитных детских рабочих сил, превращая ремесленное ученичество в самую варварскую форму дикой эксплуатации со стороны прижатой к стене отсталой формы производства, находя союзников в старых католических традициях, поддерживающих принципы смирения, кротости, подчинения старшим, власти и авторитета мастера и хозяина, и пользуясь, разумеется, всяческой поддержкой со стороны полуабсолютистского государственного аппарата габсбургской монархии. С другой стороны, крупное производство, вторгшееся в отсталую страну, в погоне за дешевыми рабочими руками и беззащитными и безответственными наемными рабами создавало для последних донельзя тяжелые условия труда, в особенности хищническим образом распоряжаясь попадавшими в его власть юношескими рабочими силами.

Допотопное ремесленное ученичество, доведенное до крайней степени варварского быта, с начинавшими открываться перед его глазами безграничными перспективами современного хозяйства, с создаваемым им новым идейным миром, и, с другой стороны, молодые рабочие пробуждающиеся из наемных рабов к новой жизни и новым стремлениям современного производства,— в этой двойной среде незаметно, стихийно стало нарождаться австрийское юношеское движение.

В бедных отдаленных предместьях Вены, где улицы еще в двадцатом столетии оставались немощеными, в ветхих и грязных старых домах гибнущий ремесленный быт подвергал свой источник рабочей силы, ремесленных учеников, самым варварским условиям жизни, бесконечным рабочим дням, голоду, варварским истязаниям и самой нездоровой обстановке работы и жизни. В тех же невзрачных предместьях жили и молодые рабочие, рабы нового тирана—могучей безжалостной машины. Угнетенная, но уже протестующая молодежь сходилась, рассуждала, предчувствовала новый мир человеческих отношений, стремилась читать, развиваться, сплачивать свои силы для борьбы за улучшение своего положения.

В начале девяностых годов незаметный процесс возникновения юношеского движения начинает принимать осязательные формы. В рабочих кварталах Вены—Оттакринг и Гернальс—наиболее передовые квалифицированные молодые рабочие,—главным образом, молодые металлисты,—стали создавать кружки, занимаясь самообразованием и обсуждая вопрос о том, как наилучшим образом защищать общие интересы безгранично угнетенного трудящегося молодого поколения. Они были в оппозиции ко всему, что их окружало, и кружки их стали называться „Братьями-Скорпионами“.

В 1893 году это движение настолько выросло, что могло вылиться в окончательные организационные формы. В течении 1893 и 1894 гг. создается союз рабочей молодежи в Вене и почти одновременно с ним, независимо от него, другие союзы в отсталых южных провинциях Австрии.

В грязных задних комнатах венских народных кабачков, где в изобилии распивается пильзенское пиво, сходились члены первых юношеских организаций, пока, наконец, они не нашли возможным, поскольку полицейские условия это допускали, созывать большие собрания, выступать открыто и заявлять о себе в печати. Появление юношеских организаций на общественной арене было встречено градом ругательств и неумолкающими насмешками.

Мальчишка, подвергавшийся побоям хозяев и мастеров, выступающий в виде председателя собрания, деятеля союза или автора статьи, казался отсталому австрийскому обывателю чем-то неизмеримо смешным, заслуживающим всевозможных насмешек и издевательств и в то же время самых суровых наказаний и гонений. Этот первый, самый трудный период развития юношеских организаций был, однако, пройден благодаря непоколебимой стойкости и безграничному воодушевлению молодых начинателей нового движения. Бесчисленны незаметные жертвы, принесенные участниками последнего, и даже хроника австрийского союза рабочей молодежи не сохранила безвестных имен тех подростков, которые подвергались репрессиям, изгонялись из мастерских и, не встречая ничего, кроме враждебного отношения в собственной семье, бесконечными лишениями пробивали себе дорогу и в то же время пробивали дорогу юношеской организации, будущему орудию улучшения судьбы молодого рабочего поколения.

В течение целого десятилетия юношеские организации в Вене и в южных провинциях владели трудное существование, постепенно перерастая первоначальные местные рамки, пока, наконец, их существование было признано и им удалось слиться в виде единого союза австрийской рабочей молодежи.

Две основных задачи поглощали силы этого союза: борьба за улучшение положения ремесленных учеников и молодых рабочих и культурно-просветительная деятельность, классовое саморазвитие молодого трудящегося поколения. Третья задача, занимавшая вообще юношеское движение данного периода, антимилитаристская ¹⁾ агитация, в виду особенно тяжелых полицейских условий отсталой Австрии, была по необходимости на заднем плане. Конечно, занимаясь саморазвитием, австрийский юношеский союз боролся против идеологии солдатчины и против габсбургского „черножелтого“ патриотизма, но специальной широкой агитации против военщины, как в Бельгии или в скандинавских странах, австрийский юношеский союз развить не мог. Зато в отношении борьбы за улучшение положения трудящегося юношества работу австрийского союза рабочей молодежи надо признать образцовой, и с этой стороны он служил примером для молодежи других стран.

В виду того, что полицейские условия Австрии не допускали создания политического союза молодежи, юношеские организации номинально приняли форму профессионального союза, и офи-

¹⁾ Противо-военная.

циальная социал-демократическая партия вместе с официальными профессиональными союзами пошла им навстречу для облегчения их борьбы за свое легальное существование. В Австрии, как и повсюду, юношеские организации сначала натолкнулись на противодействие старших поколений, но свойственное австрийскому рабочему движению постоянное стремление приспособляться к обстоятельствам момента привело к тому, что, как только юношеское движение стало само укрепляться и доказывать свою жизнеспособность, официальные партийные верхушки пошли с ним на соглашение, примирились с его существованием и стали вскоре оказывать ему полное содействие. Таким образом, в Австрии юношескому движению пришлось преодолевать со стороны официальных партийных инстанций значительно меньшее противодействие, чем во многих других странах. Юношеский союз был признан профессиональным союзом и в этом смысле легально зарегистрирован. Но на самом деле социал-демократическая партия относилась к нему, как к организации фактически социал-демократической, политической, и на местах группы социал-демократической партии считались с основными ячейками юношеского союза, местными группами, как с организациями, в сущности, политическими, во многих местах допуская всех их членов в свой состав. Как центральный комитет социал-демократической партии, так и центральное бюро профессиональных союзов субсидировали союз молодежи, и такие же субсидии получали обыкновенно его местные группы от местных партийных и профессиональных организаций. Низшим предельным возрастом его членства было признано 14 лет.

Самая широкая деятельность в области борьбы за улучшение положения рабочей молодежи развивается юношеским союзом уже в первом десятилетии двадцатого столетия, когда им стала вестись в общеавстрийском масштабе широкая агитация за улучшение законодательства по вопросу о положении рабочей молодежи, за создание действительного послешкольного образования, за улучшение гигиенических условий существования ремесленных учеников и молодых рабочих. Громадную роль сыграл созданный юношеским союзом секретариат для юридической помощи работающей молодежи с его провинциальными отделами. Там находили себе помощь все подвергающиеся преследованиям или варварскому гнету ремесленные ученики и молодые рабочие, секретариат использовал все имевшиеся в его распоряжении законные инстанции для оказания им помощи и выступал в печати, заставляя таким путем ставить пре-

грады наиболее варварским формам эксплуатации детского и юношеского труда.

Надо отметить блестящую издательскую деятельность юношеского союза, орган которого „Молодой Рабочий“ стал, наконец, во всех отношениях одним из наиболее образцовых среди всех издававшихся где бы то ни было юношеских органов.

Культурно-просветительная работа союза при помощи старших товарищей принимает все более и более разнообразные формы и ко второму десятилетию двадцатого столетия является одной из наиболее широких и развитых во всем мире.

Стоя формально вне рамок социал-демократической партии, австрийский юношеский союз находился целиком в руках самой молодежи и управлялся ее собственными съездами и избираемым ими центром. Австрийское юношеское движение представляло тип отдельной юношеской организации, самоуправляющейся, без прав в официальной партии, но и не зависящей от нее.

Среди деятелей австрийского юношеского движения из рядов старого поколения нельзя не отметить покойного товарища Леопольда Винарского, одного из наиболее симпатичных и отзывчивых из числа руководящих товарищей австрийского социал-демократического движения, который особенно много оказал помощи юношеской организации, особенно много помог юношескому движению стать на ноги, согревая его теплотой своей глубоко симпатичной отзывчивой личности и поддерживая подъем духа молодых товарищей своим блестящим красноречием и своим широким социалистическим кругозором. Из числа руководителей юношеского движения отметим товарища Антона Иеншика, наилучшего администратора юношеского союза.

Неудивительно, что именно из рядов австрийского движения молодежи вышел первый интернациональный секретарь международного союза молодежи, доктор Даннеберг, в тот момент, когда в 1907 году юношеское движение разных стран впервые слилось в единую организацию молодого интернационала. Об этом новом периоде юношеского движения мы поговорим впоследствии.

Австрийское юношеское движение, само собою разумеется, наиболее развилось в главных промышленных центрах, где вошло в тесный контакт с левым последовательно-марксистским крылом с.-д. партии. К нему близко стоят и по большей части через его ряды прошли все наилучшие силы левого крыла австрийского рабочего движения. В главном городе немецкой Богемии, наиболее промышленной части Австро-Венгрии, Рейхенберге,

особенно близко стоял к юношеской организации самый видный представитель левого последовательно-марксистского крыла австрийской социал-демократии, тов. Иосиф Штрассер. Юношеская организация Рейхенберга, действительно, сыграла роль носительницы новых идей и настроений местного рабочего движения.

Я сам еще застал в Рейхенберге старое поколение социал-демократических деятелей, занимавших все видные места в партийной организации в первые годы двадцатого столетия. Это были все люди тяжеловесного полумещанского типа, с медленными движениями и медленной речью, склонные к осторожной тактике, старавшиеся удерживать движение от резкостей и от слишком быстрого хода вперед и особенно интересовавшиеся так-называемым „свободомыслием“, т.е. заменой религиозной идеологии светской, в тесном союзе с буржуазным мещанским движением против церкви.

Несколько лет спустя, когда я снова посетил Рейхенберг, партия была неузнаваема. Новые люди выступали на собраниях, новые люди занимали все видные партийные должности. Это была молодежь, прошедшая через юношескую организацию и представлявшая собой не только новый период движения, но и совершенно новых людей, с новыми чувствами и новыми формами мышления. Быстрые движения, быстрая речь, энергия, энтузиазм, смелость, настоящее революционное настроение, развитое классовое сознание,—все отличало их от их недавних предшественников, почти внезапно ими отстраненных, и все в них дышало настоящей современной пролетарской классовой борьбой.

Смещенные ими старики были сланы в архив, в так называемое „Общество Свободомыслия“, где они со своей прежней медлительной речью спокойно занимались спорами о религиозной и светской философии и об отношении к буржуазному антиклерикализму. Все рабочее движение Рейхенберга приняло новый темп и новый облик. Я ходил неоднократно на собрания юношеской организации, и интеллигентные, полные жизни, лица ее членов показывали, что перед нами была действительно новая жизнь, носительница будущего развития человечества. Товарищ Штрассер, сам окончивший университет, говорил с восторгом о том, какая глубокая разница между членами юношеской рабочей организации, этой рабочей молодежью, проникнутой интересом ко всему, жадной к знанию, к борьбе, к строительству новой жизни, и их полной противоположностью, типичной картиной упадка и разложения, студентами университетов с их апатией, разочарованностью, отсутствием интереса к жизни, стремлением

к карьере, к пустым наслаждениям, к изысканной внешности жизни, с их преждевременной старостью и отсутствием настоящей молодости. На устраиваемых рейхенбергской юношеской рабочей организацией праздниках действительно жизнь кипела во-всю. В них бился пульс могучего нарождающегося человеческого будущего.

III.

Совершенно иными, чем в немецкой Австрии, были судьбы движения рабочей молодежи у политически тесно связанного с нею чешского народа. Точно так же, как на все рабочее движение Чехии наложило глубокий отпечаток происходившее одновременно с первоначальной стадией его развития национальное воскрешение чешского народа, точно так же и первые шаги чешской рабочей молодежи совершались в особенной обстановке, создаваемой необычайно сильным национальным движением. Воскрешение чешской национальности после первого своего феодального и реакционно-клерикального периода было, по существу, движением городской и сельской мелкой буржуазии, и мелко-буржуазная идеология в своих обычных формах, как оппортунистическо-демократической, так и анархической, сильнее всего отразилась на развитии чешского рабочего движения, а также и на движении чешской рабочей молодежи. Начало 90-х годов было в Чехии периодом расцвета анархистских теорий и анархистских волнений во главе с знаменитой в свое время Омладиной, т.-е. буржуазно-национальными организациями, действовавшими анархически-бунтарскими приемами. Под сильным влиянием анархизма находилось возникшее как раз в то время рабочее юношеское движение Чехии. В противовес бунтарским идеям и методам чешская с.-д. при чрезвычайно сильном господстве в ней националистических настроений, пришедших в последнее десятилетие к, так называемому, „сепаритизму“, носила все время определенно оппортунистический характер, борясь, как против опасных уклонов, против революционных настроений и форм борьбы, занимаясь усиленно культурнической работой, и вообще являясь скорее хорошей и очень энергичной и крепко организованной демократически радикальной рабочей партией, чем революционно-социалистической. Имея перед глазами постоянную задачу борьбы против анархизма и усматривая анархистскую опасность в лице самостоятельного юношеского движения, чешская с.-д.-тия в 90 гг. взяла последнее под свою весьма суровую опеку и стро-

жайшим образом следила за тем, чтобы официальное социал-демократическое юношеское движение было оберегаемо от анархистских веяний и находилось в полном подчинении у старших. Таким образом, в противовес анархически настроенным самостоятельным юношеским организациям первого периода чешская с.-д.-тия создала обширную, прочно организованную и, в своей узкой области, хорошо функционировавшую сеть юношеских организаций, которым отказано было, однако, в основном, наиболее для них важным—в самоуправлении и в непосредственном участии в реальной политической жизни. Это были хорошие юношеские культурно-просветительные с.-д. кружки, которыми руководило старшее поколение, и которых неуклонно держала в руках официальная с.-д. партия.

Одновременно чешская с.-д.-тия усиленно заботилась о создании среди молодежи гимнастических и спортивных обществ, которыми вообще увлекалось и до сих пор увлекается чешское буржуазно-национальное движение, усматривая в своих „соколах“, т.-е. членах гимнастических и спортивных обществ, одну из наилучших опор своего широкого массового развития. Точно так же, как в буржуазно-национальном чешском движении, одетые в национальные цвета и носившие национальные эмблемы, чешские „сокола“ были непременно украшением всякого национального праздника, точно так же и организацию рабочей молодежи чешская с.-д.-тия непременно связывала с развитием гимнастического и спортивного дела. Сеть юношеских рабочих гимнастических и спортивных организаций существовала параллельно с сетью юношеских с.-д. чешских групп, при чем по истечении некоторого времени они были объединены своими верхушками и во главе обоих был поставлен смешанный центр из представителей тех или других организаций вместе с представителями официальной с.-д. партии. Такова была схема чешского юношеского движения: система юношеских с.-д. по своему характеру преимущественно культурно-просветительных организаций, рядом с ней система юношеских гимнастических и спортивных организаций и соединение обоих под контролем и руководством официальной с.-д.-тии. Чрезвычайно энергичная во всей своей деятельности чешская с.-д.-тия и в этой области проявила громадную активность и, изданная ею для молодежи, литература отличается богатством, разнообразием и в литературном отношении хорошими качествами. Разумеется, с течением времени молодежь не могла ограничиваться подчиненной ролью и узкими рамками своей деятельности и постепенно, вместе с ослаблением когда-то обусло-

вленной фактами борьбы против, так называемой „анархистской опасности“, рамки деятельности чешских юношеских с.-д. организаций расширяются, участие их в политической жизни становится более значительным, и в самой партии им начинает предоставляться больше самостоятельности. Одновременно с этим следует особенно подчеркнуть значительное развитие именно в чешском юношеском движении той антимилитаристической агитации, которая была так слаба в юношеском движении немецкой Австрии. В этом отношении надо отдать честь как героизму чешской рабочей молодежи, так и смелой тактике в данной области чешской с.-д.-тии, так как в виду крайне тяжелых полицейских условий Габсбургской монархии, в особенности в обстановке угнетенной нации, какой были чехи, антимилитаристическая агитация была связана с бесчисленными жертвами. Тем не менее в этом отношении чешское юношеское рабочее движение несколько напоминает протекавшее в несравненно более благоприятных в полицейском отношении условиях, бельгийское юношеское движение. И в Чехии моменты рекрутского набора были поводом для грандиозных демонстраций, для шествий по улицам, поскольку оказывалось возможным, с красными бантами, с крепом на шляпах, в трауре, с речами и антимилитаристическими выступлениями, приуроченными к акту вхождения в армию, при чем эти демонстрации сопровождалась большим количеством арестов и вслед за тем судебных приговоров и требовали многочисленных жертв. Именно обстановка национального движения угнетенной народности в пределах империалистического государства особенно располагала чешскую рабочую молодежь к сильным антимилитаристическим настроениям и создавала благоприятную почву для воплощавших эти настроения грандиозных манифестаций, даже ценою жертв. Это в свою очередь способствовало тому, что юношеское движение с течением времени должно было перерасти те узкие рамки, которые были ему предначертаны слишком заботливым старшим поколением. За последний период своего развития юношеское рабочее движение в Чехии уже начинает проникаться теми же широкими сознательно-революционными тенденциями, которые повсеместно сделали юношеское рабочее движение последнего периода столь могучим фактором революционирования рабочего движения. Специфические черты, отличавшие чешское юношеское движение первых этапов его развития, за последние годы можно было считать изживающимися. Это связано, однако, уже с общим характером последнего периода, глубочайшим образом отличающегося от последнего десятилетия 19-го и первого десятилетия 20-го века.

В несравненно более трудных условиях, чем в немецкой Австрии и даже в Чехии, протекало развитие юношеского движения в Венгрии, одной из наиболее политически отсталых стран Европы, с ее ограниченной избирательной системой, господством свирепого феодального слоя, с почти безраздельными крепостническими традициями, сильнейшим национальным гнетом и крайним политическим деспотизмом. Точно так же, как все рабочее движение Венгрии принуждено было напрягать все свои силы для борьбы за самые элементарные возможности своего проявления, точно так же и юношеское движение в Венгрии было целиком поглощено борьбой против полицейского гнета и административных рогаток. Преследования против рабочего движения вообще в Венгрии были таковы, что в течение многих лет даже профессиональные союзы были запрещены и могли существовать лишь нелегально; тем более столь опасное, с точки зрения господствующего класса, явление, как движение рабочей молодежи, должно было испытать на себе все бичи и скорпионы полицейского деспотизма. Широких масс молодежи находившееся в столь тяжелых условиях движение ни коим образом не могло охватывать. В нем участвовали наиболее энергичные героические верхушки рабочей молодежи, не отступавшие перед жертвами и перед мученичеством. Специфические условия венгерской общественной жизни привели к тому, что некоторые элементы из прогрессивно настроенной интеллигенции, в особенности молодежь, также посвящала себя развитию рабочего юношеского движения. Революционно настроенные интеллигенты участвовали в конспиративных собраниях рабочей молодежи, скрываясь от преследования полиции, приносили им свои знания и нередко даже руководили ими. Юношеские рабочие организации в течение многих лет принуждены были прибегать к самым строгим мерам конспирации для того, чтобы самое существование их было возможно. Несколько раз в течение последних 30-ти лет некоторое ослабление сурового режима Венгрии вело к тому, что юношеским организациям удавалось приобретать полулегальное существование и порой даже, с весьма ограниченными задачами, легализоваться. Но потом снова наступал в венгерской политической жизни поворот к политике ежеских рукавиц, к репрессиям против растущего рабочего движения, и, прежде всего, эти новые приливы безудержной реакции отражались на положении юношеского движения; снова год за годом последнее существовало лишь конспиративно, тщательно скрываясь от сыщиков и шпионов. Собрания юношеских

групп происходили в лесах, и туда приходили к ним те друзья из передовой интеллигенции, которые даже при самых тяжелых условиях Венгрии не отказывались от своей деятельности в области юношеского движения. Особенно памятным остался тот случай, когда в период некоторого ослабления полицейского гнета юношеские организации попытались устроить съезд в Будапеште, куда, съехались их делегаты. Получить разрешение не удалось, надзор за делегатами со стороны полиции был строгий, и не было никакой надежды на возможность организации съезда в Будапеште. Молодые люди отправились тогда за город, притом отдельными группами, якобы для прогулок, и, сев на лодки, съехались на Дунае в уединенном месте, отдаленном от города. На лодках, на реке ими был устроен съезд, и когда следившие за молодежью полицейские отыскивали это далекое место, заседание съезда успело уже кончиться и молодежь разошлась. С другой стороны, венгерская с.д.-тия, существовавшая при условиях венгерского тяжелого режима лишь благодаря крайнему оппортунизму, относилась подозрительно к предприимчивым молодым людям, ни перед чем не останавливавшимся в своей борьбе против полицейских преследований. Официальная партия отказывала юношескому движению в Венгрии как в самостоятельности, так и в правах внутри партии. Юношеским организациям приходилось полагаться лишь на себя и, существуя в общем конспиративно, развиваться лишь в слабом контакте с с.д. партией. Особенно близкое участие в развитии движения венгерской рабочей молодежи принял представитель революционного крыла венгерского рабочего движения т. Альпари, приятель и единомышленник Карла Либкнехта, вместе с ним один из инициаторов революционного международного движения молодежи, подвергавшийся преследованиям со стороны официальной венгерской социал-демократии и, наконец, изгнанный из ее рядов. Все прошлое венгерского юношеского движения, лишая его, с одной стороны, прочных организационных традиций, в то же время, с другой стороны, предрасполагало его к ярким революционным настроениям и оставило на нем в том отношении неизгладимый след.

Еще тяжелее были условия развития юношеского движения в подчиненной Венгрии, угнетенной Хорватии, где притом отсутствие промышленности лишало юношеское движение естественной исторической почвы. В Хорватии были лишь слабые проблески этого движения, наталкивавшиеся на суровые полицейские репрессии и, с другой стороны, встречающие со стороны

официальной с.-д.-тии, главным образом, попытки к установлению над ним строгой опеки. Они так и остались проблесками, и к началу мировой войны оформленное и организованное юношеское рабочее движение в Хорватии еще не было создано.

IV.

В последние годы прошлого столетия громадное влияние на всю политическую жизнь Франции, да и не одной только Франции, оказало дело Дрейфуса. Французская мелкая буржуазия стремилась стать формально господствующим фактором политической жизни, чтобы заставить крупные капиталистические верхушки общества считаться с ней и основывать свое господство на даровании ей политических подачек и на удовлетворении ее главных требований. Последние распространялись и на борьбу против церковного гнета, и на необходимость уменьшения лежащего на массах военного бремени, и на обуздание эксцессов господствующей военщины, и на потребность масс в более справедливом распределении налогового бремени. Как раз в это время, в 90-х годах прошлого столетия, республиканская крупная буржуазия тесно связалась с остатками феодально-монархических слоев, при чем их союз выразился в т. наз. „новом духе“. Французский радикализм 80-х годов обанкротился, подпав под влияние военного демагога, неудачного кандидата в Цезари, вынесенного волной поднявшегося во Франции ярого шовинизма—генерала Буланже. После краха политической авантюры последнего, господствующим фактором французской политической жизни оставался доведенный до белого каленя шовинизм, подогреваемый налаживавшимся тогда союзом с Россией и возбуждаемыми последним беспредельными надеждами, и на этой почве стала принимать угрожающие размеры военно-клерикальная с феодально-монархической подоплекой реакция. Военной касте именно потому потребовалось, хотя бы с применением самых грязных средств, подлогов, целого ряда уголовных преступлений, устранить из своей среды еврея Дрейфуса, представителя богатой торгово-промышленной семьи, чтобы в неприкосновенной чистоте сохранить свою кастовую обособленность, основу феодально-монархической реакции. В эти бурные годы, когда переживаемый Францией кризис угрожал самой республиканской форме правления и производились уже попытки государственного переворота, на борьбе за пересмотр дела невинно осужденного Дрей-

фуса сплотились как мелко-буржуазные элементы, для которых вопрос шел о самом их существовании, как политического фактора, так и значительная часть рабочего класса, элементарным интересам которого угрожала бы самая серьезная опасность в случае удаchi планов военно-монархической клики. Эти годы являются началом периода восхождения мелко-буржуазного радикализма — последнего его восхождения перед его окончательным политическим банкротством и превращением в простого прихвостня финансовой олигархии, — и большого оживления рабочего движения под сильным еще мелко-буржуазным влиянием. Мелко-буржуазное прошлое французского революционизма, бывшего в свои классические годы движением недифференцировавшихся еще мелко-буржуазных и пролетарских масс, еще не было изжито на пороге XX века, и происходившее в это время пробуждение более широких слоев рабочего класса к сознательной жизни в значительной степени совершалось под влиянием мелко-буржуазных революционных воспоминаний и традиций и современных мелко-буржуазных оппортунистических веяний. Последние находили свое выражение в одном из крупнейших факторов французской политической жизни — фран-массонстве, которое фактически заменило собою отсутствующую во Франции единую и сплоченную политическую партию мелкой буржуазии. При распыленности организационной жизни всех политических сил Франции, при узко-парламентском и притом текучем характере ее политических партий, — органическим, постоянным сплочением активных элементов мелкой буржуазии явилось фран-массонство, которое в то же время стало удобным орудием для финансовой олигархии, чтобы, приноравливаясь к потребностям и требованиям мелкой буржуазии, путем подачек ей, приручить ее, и, в конечном счете, удовлетворяя ее, делать ее своим орудием. Расплывчато-гуманитарная фразеология фран-массонства, якобы, ставящего себе целью служение человечности, морали, добродетели и прочим буржуазным идейным средствам отуманивая голов и отвлечения масс от классовой борьбы, сильнейшим образом отразилась в эти годы на характере развития пробуждающихся к политической жизни новых слоев рабочего класса. Значительная часть рабочего класса прошла свой первый курс политического воспитания во фран-массонских ложах и в политических организациях радикальных партий, лишь постепенно, в течение последующего периода, освобождаясь от чуждого ее классовому сознанию дурмана.

Такова была обстановка, в которой совершило свои первые

шаги юношеское социалистическое движение Франции. Борьбе против военщины, антимилитаризм— вот главный стимул возникновения первых французских социалистических юношеских организаций. Оживление широких слоев рабочего класса под мелко-буржуазным влиянием и в тесном контакте с мелко-буржуазным политическим движением и идеологией— вот обстановка первого периода французского юношеского социалистического движения. Наибольшую энергию в создании юношеских организаций, само собой понятно, проявила ближе всего стоящая к буржуазному радикализму жоресистская партия, а также расплывчатая партия революционной фразы на словах и оппортунизма на деле, партия Алеманистов. На пороге XX столетия во Франции внезапно создано громадное количество юношеских социалистических организаций, при чем в некоторых департаментах в самое короткое время число их достигло нескольких сот. При расплывчатом характере тогдашней организационной жизни французского социализма эти юношеские организации находились, по большей части, лишь в более или менее слабой и несколько неопределенной связи с официальными партиями. Они выступали как самостоятельные организации, и на состоявшихся в это время больших объединительных съездах всех французских социалистических партий, кончившихся ярким расколом, многочисленные юношеские организации были представлены, как самостоятельные участники конгрессов.

Весь этот блеск оказался кратковременным, так как был построен на песке и явился скорее минутным увлечением и политическим изобретением, вызванным потребностями дня. Яркое пламя, как от горящей соломы, очень скоро потухло и от громадного большинства этих мимолетных организаций ничего не осталось. В отдельных местах, однако, следы их не исчезли и могли быть прослежены еще 10 лет спустя в период окончательного строительства французской юношеской социалистической организации. Кое-где сохранилась некоторая преемственность, которая впоследствии была использована. В общем, этот первый период прошел не бесплодно, оставив в памяти активных элементов рабочего класса представление о естественной роли юношеских организаций рядом с организациями взрослых. Новые поколения молодежи, появившиеся на политической сцене, в своем стремлении к созданию своих юношеских организаций были вдохновляемы воспоминаниями о том, якобы, блестящем периоде, когда вся Франция блистала сотнями самостоятельно выступавших юношеских организаций.

Главным местом, где ни на минуту вполне не угасло юношеское социалистическое движение, был Париж или, вернее, пролетарские окраинные кварталы и пригороды Парижа. Здесь, в главном очаге французских революционных традиций, в центре наиболее интенсивной умственной жизни французского пролетариата, новые поколения рабочей молодежи продолжали выступать со своими требованиями создания революционных юношеских организаций, потребность в которых они так остро испытывали. Застойный характер французской экономической жизни, не представлявший прочного базиса для широко-организованного рабочего движения, мелко-буржуазный индивидуализм французских рабочих и отсутствие у них склонности к организационному сплочению, разлагающее влияние политического карьеризма и беспринципного политиканства, непомерное участие в рабочем движении ищущих для себя карьеры интеллигентов, перевес торгового и конторского пролетариата над промышленным—все эти отрицательные стороны Парижского рабочего движения влияли задерживающим образом и на развитие юношеской организации. Возникавшие юношеские организации не раз делались сценою неприглядной склоки между враждующими лагерями карьеристов и интриганов, восторженные лидеры не раз превращались в беспринципных демагогов, и юношеские организации проходили через непрерывную процедуру то возникновения, то распада, то нового возрождения на короткий промежуток времени. Вульгаризованные за долгий период оппортунистического коснения революционные воспоминания Парижа, мелко-буржуазный отпечаток, не изжитый рабочим движением, влияние застойного характера производства—все это вело к тому, что юношеское движение часто приобретало характер несерьезных, поверхностно-бунтарских вспышек или просто организаций уличных драк с полицией и клерикальной молодежью. Читальни пустыли, лекторы находили мало слушателей, зато вся молодежь с увлечением отправлялась на какую-нибудь запрещенную манифестацию, где можно было поколотить городских или подраться с учениками католических монахов. С другой стороны, официальные партии, на словах неутомимо выражая самые образцовые благожелательные чувства по адресу юношеского движения, со свойственным французским политикам двуличием, в действительности, в значительной своей части, старались это движение сорвать. В атмосфере французского политиканства различные социалистические партии постепенно превратились лишь в различные формы соглашательства, интриганства и политиканства, и якобы непримири-

мая революционность гедистов прикрывала собою лишь тактику соглашения с другими элементами, чем те соглашения, которые проводились жоресистами. Для различных политических союзов требовалась различная фразеология, а для этого существовали различные партии, и именно поэтому им так легко оказалось в 1905 году слиться, сохранившись лишь в виде различных течений, якобы враждовавших между собой и этим бросавших пыль в глаза наивной массе, а в действительности рука об руку обдывавших делишки политиканствующего слоя. Для постороннего наблюдателя, взглядывавшегося во французское социалистическое движение, прямо поразительным был контраст между безграничным энтузиазмом и беззаветной преданностью своим идеалам и рабочему делу рядовых членов партии, не останавливавшихся ни перед чем в своем служении партии, и пустопорожнее политиканство значительной части ее руководящих политических сфер, проникнутой карьеризмом и развращенной парламентскими интригами и всевозможными сделками с буржуазными партиями и с сильными мира сего. Руководящие элементы партийных секций в Париже с величайшим недоверием смотрели на проникновение к ним молодежи, с большим рвением принимавшейся за партийную работу и способной очень скоро нарушить их привычные политические комбинации и помешать им продолжать привычную политическую кухню. Но признаться в этом эти руководящие элементы, конечно, не хотели, и поэтому в резолюциях они распинались в своем необыкновенно горячем желании способствовать процветанию юношеской организации, но они умели позаботиться о том, чтобы из этих резолюций ничего не вышло. Удачное использование бюджетного права, например, легко подсекало в корне создание юношеских организаций, делая невозможным вхождение в них молодых людей с пустыми карманами. В акте соединения социалистических партий специальная статья предусматривала создание юношеских организаций, но это постановление, разумеется, осталось на бумаге.

Несмотря на все неблагоприятные внешние и внутренние условия, попытки парижской рабочей молодежи к самоорганизации никогда не прекращались, и, наконец, Парижская организация объединенной партии принуждена была признать так называемую 42-ую секцию, т.-е. секцию молодежи. Вскоре, однако, эту секцию поставлено было распустить, и на время парижская рабочая молодежь оказалась снова без своей организации. В провинции юношеские организации отчасти сохранились, отчасти возникли вновь в немногих местах, частью в больших городах,

как в Тулузе, частью в центрах крупной промышленности, как на севере. Блаженным оазисом блестяще развившейся юношеской организации был город производства тюля, Кодри, в департаменте Севера. Этот город, целиком существовавший производством тюля, представлял собою экономически однородную и чрезвычайно сплоченную рабочую массу, которую за короткое время великолепно организовали три вышедших из рабочей массы вождя, Фьеве, Сандрас и Пле. Этот идеальный оазис крепкой и сплоченной рабочей организации был, может быть, единственным местом во Франции, где очень рано создавалась сильная многочисленная внутренне-сплоченная юношеская социалистическая организация. В противоположность остальным организациям французских партий секция Кодри в самом широком масштабе шла навстречу потребностям и требованиям юношеских групп и давала им как широкое самоуправление, так и все права внутривнутрипартийной организации. Своим блестящим развитием юношеская организация Кодри в особенности обязана сыну главного создателя рабочих организаций Кодри, Фьеве. Под влиянием организации Кодри стали создаваться юношеские группы и в окрестных деревнях, и вскоре целая сеть их покрыла весь округ Камбре, где находится Кодри.

Этот оазис был, однако, счастливым исключением, и в общем французская социалистическая молодежь дожила до 1907 года, момент создания юношеского интернационала, без юношеской организации в обще-французском масштабе. На первом конгрессе юношеского интернационала в Штутгарте, Франция оказалась страной без юношеской социалистической организации. Лишь следующему периоду предстояло пополнить этот пробел, при чем борьбе за создание юношеской организации предстояло сыграть роль серьезного фактора в развитии действительно революционного социалистического движения в противовес развращенным многолетием соглашательством и политиканством официальным партийным сферам.

V.

Не в одной только Франции дело Дрейфуса повело к оживлению организационного строительства в мелко-буржуазной и рабочей среде. В частности, в скандинавских странах дело Дрейфуса вызвало усиленную борьбу против милитаризма и с этой целью создание юношеских рабочих организаций. Почти одновременно на грани двух столетий возникают юношеские рабочие

организации в Швеции, Норвегии и Дании. В общем и целом ход их развития в этих трех странах представляет одинаковые основные черты: сначала создаются социал-демократическими официальными партиями для борьбы против милитаризма юношеские организации; довольно быстро они прививаются и теряют первоначальный искусственный характер, встречая отклик в юношеских массах и приобретая возможность держаться на собственных ногах; довольно быстро вслед затем в них усиливаются и достигают преобладания анархистские элементы; против последних социал-демократии выдвигают свои социал-демократические юношеские элементы; борьба между теми и другими становится все более острой в пределах первоначальных единых юношеских организаций; наконец, происходит в той или иной форме или полный раскол или оформливание двух борющихся течений; начинается вслед затем период развития и усиления социал-демократических юношеских организаций или течений; последние все более оттесняют своих анархистских соперников и становятся преобладающими; анархистские юношеские организации и течения превращаются в меньшинства и постепенно утрачивают первоначальную задорность, и после многих лет борьба между соперниками начинает терять остроту, изживается и перестает интересовать участников организаций.

В наиболее развитом виде все эти процессы могут наблюдаться в самой крупной из скандинавских стран, Швеции, юношеские рабочие организации которой сыграли из числа своих скандинавских собратьев наиболее важную роль в международном масштабе в современном рабочем движении. После первоначального периода искусственного создания юношеских организаций официальной социал-демократической партией и нащупывания ими дороги, очень скоро шведские юношеские организации подпали под влияние шведской разновидности анархизма, так называемых „младо-социалистов“ с их вождем, талантливым пламенным оратором и безгранично путанной головой, Хинке Берггеном. Его речи, точно так же, как издаваемый „младо-социалистами“ орган „Пожар“, представляют собою, главным образом, очень красивые пламенные выкрики, в программном отношении до сих пор остающиеся довольно смутными. Антимилитаризм анархистского типа, полное отрицание парламентаризма и признание индивидуальных террористических актов в экономической борьбе, насколько можно понять,— вот наиболее характерные черты „младо-социалистических“ взглядов.

Выдвинутые социал-демократией против „младо социалистических“ юношеских организаций социал-демократические юношеские клубы стали очень скоро чрезвычайно жизненными организациями и заняли по своим взглядам промежуточное положение между „младо-социалистами“ и оппортунистской официальной социал-демократической партией. Отрицая вполне индивидуальные террористические акты, молодые социал-демократы заняли в вопросе об антимилитаризме довольно резкую позицию, не очень далекую от абсолютного антимилитаризма „младо-социалистов“. В различных степенях на взглядах „младо-социалистов“ и молодых социал-демократов в описываемый первый период отразился так называемый „оборонческий нигилизм“, т.е. требование полной отмены постоянных армий, приверженцы которого аргументировали тем, что Швеция, как маленькая страна, остается независимой, не благодаря существованию своей армии, а исключительно благодаря политике великих держав, из которых ни одна не желает предоставить Швецию какой-либо из своих соперниц. Это мало принципиальное и в сущности оппортунистское учение получило в Швеции вообще широкое распространение, и его следы можно было в то время заметить во взглядах как абсолютно прямолинейных „младо-социалистов“, так и стремившихся постепенно подходить к своей цели молодых социал-демократов. Гораздо большее различие существовало между „младо-социалистами“ и молодыми социал-демократами в вопросе об отношении к парламентаризму. Молодые социал-демократы не отрицали абсолютно парламентаризма, и, когда их главные вожди достигли возраста, открывающего им двери риксадага, наиболее выдающиеся из них сделались депутатами, но парламентскую работу молодые социал-демократы рассматривали, главным образом, как подсобную для внепарламентских действий, для массовой агитации и массовых движений. Взгляды самих молодых социал-демократов оформились не сразу, а лишь постепенно выработались в насквозь продуманный серьезный революционный марксизм, в процессе, с одной стороны, борьбы против „младо-социалистов“, а с другой стороны, проводившейся ими все время внутрипартийной оппозиции против мещанского оппортунистского большинства официальной социал-демократической партии.

Среди молодых социал-демократов очень рано выдвинулась целая плеяда блестящих талантливых вождей, из которых наиболее выдающимся явился известный Зет Геглуид, рядом с которым до сих пор руководящую роль играют Фредрик Стрем, Чиль-

бом и другие. Клубы молодых социал-демократов сделались сборным пунктом для революционно настроенных левых элементов шведского рабочего движения, глубоко недовольных политическим курсом оппортунистского большинства и руководящих лидеров официальной социал-демократии. Из числа таких вошедших со стороны в клубы социал-демократической молодежи элементов надо назвать одного из лучших марксистов Швеции, пастора Спака, и в качестве его антипода представителя гуманитарно-филантропических революционных настроений, блестящего фантаста, бюргермейстера Стокгольма, одного из лучших ораторов Швеции, Ливдгагена, имевшего привычку при начале каждой сессии риксдага вносить целую кучу законопроектов, начиная с законопроекта о преобразовании всего экономического строя и кончая проектом о новых форточках в здании риксдага.

В течение первых лет нынешнего столетия клубы молодых социал-демократов, первоначально возникшие в качестве противовеса против „младо-социалистов“ и в первое время своего существования, главным образом, занятые борьбой с ними, очень быстро пустили корни в рабочей молодежи Швеции и вскоре густой сетью покрыли всю Швецию. Особенно блестящую роль сыграли они после отделения Норвегии от Швеции, когда шведский король готовился с оружием в руках заставить Норвегию снова признать его власть, и когда развитая молодыми социал-демократами, с Геглундом во главе, широкая агитация за генеральную стачку и за отказ от военной службы в случае объявления войны Норвегии послужила чуть ли не главным фактором, удержавшим шведское правительство от военной авантюры против Норвегии. Горячая проповедь молодых социал-демократов и развитая ими необыкновенно широкая агитация, разумеется, не прошли им даром, и Геглунд и еще несколько других видных агитаторов из их числа были за свою деятельность посажены в тюрьму. Показавшие на деле свое громадное политическое значение и свою революционную ценность клубы молодых социал-демократов после этого еще крепче связались с рабочей молодежью и стали вскоре поистине образцовыми во всех отношениях организациями рабочего юношества, могущими быть моделью для организаций других стран. Издаваемые ими в разных местах Швеции газеты и журналы, их разъездные агитаторы, выпущенные ими в громадном количестве брошюры и листки, устраиваемые ими культурно-просветительные учреждения, лекции, читальни, библиотеки, спортивные и гимнастические учреждения, всевозможные празднества — все это можно назвать поистине об-

разцовым. Сообразно с общим типом конструкции шведской социал-демократической партии клубы молодежи, сохраняя свою обособленность, могли в тоже время играть большую роль и в общей жизни партии. Шведская социал-демократия не представляла собой централизованного аппарата с единой организацией на местах, но федерацию разнообразных организаций, входивших в нее в полном составе, даже при наличии в их рядах инакомыслящих членов. Точно также и клубы молодежи входили в местные организации социал-демократии, в, так называемые, рабочие коммуны, в полном составе, и юношеская организация в целом, т.-е. союз клубов молодых социал-демократов, входила, как целое рядом с другими организациями, в состав общего конгломерата, называемого шведской социал-демократической рабочей партией. На партийных конгрессах союз молодых социал-демократов выступал как целое, последовательно проводя свою левую линию и борясь против оппортунизма большинства партии, и, наконец, именно она, организация социал-демократической молодежи, дала в вопросе об антимилитаризме перевес левому крылу партии и стала год за годом на конгрессе проваливать социал-патриотические оборонческие предложения партийного правления. Создалось любопытное положение: в вопросе об антимилитаризме партия держалась другого мнения, чем оборонческие вожди, между тем как в общей политике в целом партийное большинство этих вождей продолжало поддерживать, разделяя вообще их оппортунистскую линию и согласившись, наконец, уже во время войны на их вступление в коалиционное министерство. К моменту создания юношеского интернационала в 1907 году шведский союз социал-демократической молодежи был наиболее крепко сплоченным и хорошо организованным из участников вновь возникающего молодого интернационала, играющим в своей стране крупную политическую роль проводника революционной социал-демократической линии в противовес оппортунизму и сосредоточивающим вокруг себя все революционно настроенные элементы социал-демократии в их борьбе против оппортунистского курса партийного большинства и партийных лидеров.

Тот же процесс развития в основных, только менее выпуклых, чертах был пройден и норвежской социал-демократической молодежью, при чем в Норвегии пережитые шведскими молодыми социал-демократами конфликты не достигли той же остроты. И в Норвегии в первые годы стали усиливаться анархизирующие элементы, и в Норвегии социал-демократия стала им противополо-

гать молодых социал-демократов, и в Норвегии последние стали вслед затем сильным оппозиционным элементом внутри социал-демократии против оппортунистского в то время большинства. Но в Норвегии анархистствующие элементы никогда не достигали такой степени развития, как в Швеции, и борьба между ними и молодыми социал-демократами не отняла в Норвегии столько сил, энергии и времени, как в Швеции. Зато крайне ожесточенною была многолетняя еще не совсем изжитая до сих пор борьба молодых социал-демократов и вообще революционных элементов социал-демократии против старого оппортунистского большинства, пожалуй, еще более мещански настроенного в Норвегии, чем в Швеции. Старые партийные лидеры, как Йепессен (Jeppesen), и профессиональные, как Лиан, были скорее мелко-буржуазными демократами, чем представителями революционного пролетариата. Оппозиция против них не прошла, как в Швеции, под главным руководством молодых социал-демократов, но выдвинула и помимо последних целую плеяду выдающихся вождей, из которых наиболее известен Транмель. Борьба транмелитов против партийного большинства в течение многих лет была самой ожесточенною и стояла на первом плане в жизни норвежского рабочего движения. Многочисленные клубы социал-демократической молодежи, покрывшие всю Норвегию, вплоть до самых северных местечек за полярным кругом, были самыми крепкими и верными устоями движения транмелитов.

В 1907 году, в момент создания юношеского интернационала, норвежская социал-демократическая молодежь, как и вообще революционная оппозиция, была еще в меньшинстве в норвежской социал-демократии и лишь несколько лет спустя им предстояло частично овладеть в партии большинством, хотя до самого последнего времени революционной оппозиции все еще не удавалось в полном объеме сделаться господами норвежской социал-демократии.

Несравненно слабее была и остается таковою до сих пор революционная оппозиционная струя в социал-демократии Дании, этой богатой крестьянской страны с ее образцовым молочным хозяйством, зажиточным крестьянством, богатыми колониями, дающими возможность единственному крупному городу—Копенгагену—обеспечивать сравнительно высокий уровень благосостояния своему рабочему населению. Клубы рабочей молодежи возникли в Дании, одновременно с их возникновением в Швеции и Норвегии, анархистское преобладание в течение первых лет проявлялось и здесь, социал-демократические клубы были ему про-

тивопоставлены и в датском юношеском движении, и здесь последние вскоре получили преобладание над своими анархическими соперниками, но политическая роль социал-демократических юношеских организаций осталась в Дании менее яркой и не достигла того же значения, как в Швеции и Норвегии. В организационном отношении и в смысле практической работы и в Дании, как во всех скандинавских странах, союзы социал-демократической молодежи представляют собой прекрасно функционирующие, работоспособные, интенсивно действующие организации, много издающие литературы, рассылающие агитаторов, устраивающие всевозможные культурно-просветительные, спортивные и другие учреждения, празднества, и умеющие широко привлекать в свои ряды рабочую молодежь. В 1907 году и датские организации социал-демократического юношества могли по праву занять почетное место в ряду участников вновь возникшего молодого интернационала.

VI.

Сильно тормозившая во многих странах развитие юношеского движения борьба между течениями в рабочем движении нигде не помешала ему в такой степени, как в Голландии, стране наиболее обостренных противоположностей между анархизмом, оппортунизмом и революционным марксизмом. Ни в одной стране анархизму не удавалось так овладеть рабочим движением и так повредить ему, как в конце прошлого столетия в Голландии. Это же преобладание анархизма отразилось там и на первых шагах юношеского движения. Овладевший затем голландским рабочим движением крайний оппортунизм относился в результате вынесенной борьбы с величайшим недоверием ко всему сколько-нибудь связанному с анархизмом, и один из предметов наибольшего его недоверия было движение молодежи, которое официальная социал-демократическая партия и пыталась взять в ежовые рукавицы. В течение всего последующего периода в Голландии происходила непрерывная борьба между добивавшимся элементарных условий самостоятельности юношеским движением и державшей его под деспотической опекой официальной социал-демократической партией. Крайнее обострение борьбы между господствующим оппортунизмом голландской социал-демократии и революционным марксизмом, приведшее позднее к окончательному расколу, также способствовало нежеланию официальных партийных сфер делать молодежи какие бы то ни было уступки, так

как они опасались, что такие уступки пошли бы на пользу оппозиции. Юношеским движением с большой преданностью и большим энтузиазмом занималась такая выдающаяся социал-демократическая деятельница, как Генриэтта Роланд Гольст, но и к ней, как к марксистке, оппортунистические партийные верхи относились с большим недоверием, ее деятельность в этой области всячески тормозилась. Чем больше обострялась борьба между оппортунизмом и революционным марксизмом, тем труднее становилось положение юношеских организаций, которым или предстояло расколоться или же приходилось быть между двух огней. Все это повело к тому, что к моменту возникновения юношеского Интернационала голландское юношеское движение могло очень много сообщить о перенесенных испытаниях и борьбе, но не могло много представить плодотворных результатов пройденного пути.

Хоть в меньшей степени, но все же задерживающим образом отразилась борьба течений на развитии юношеских организаций и в Италии. Во время долголетней ожесточенной борьбы между правыми и левыми элементами итальянской социалистической партии юношеские организации постоянно стояли на стороне левых, и пока в партии господствовали оппортунисты или фактически близкие к оппортунистам центровики или интеграллисты, развитие юношеского движения, и в особенности развитие его самостоятельности, встречало часто недоверчивое к себе отношение со стороны руководящих партийных инстанций.

Нечто совершенно непохожее на своих собратьев материка представляло юношеское движение в Англии, классической стране буржуазного индивидуализма и подхода ко всем вопросам с точки зрения индивидуальной морали. При чрезвычайной слабости политических партий рабочего класса в Англии, первые шаги ее юношеского движения не могли иметь ничего общего с политическими юношескими организациями материка с его сильными социалистическими и социал-демократическими партиями. В то же время Англия отличалась громадным количеством прогрессивной филантропической рабочелюбивой интеллигенции, в особенности интересовавшейся вопросами индивидуальной морали и гуманитарных идеалов, и полагавшей эти идеалы в основу своей культурно-просветительной деятельности. Эти прогрессивные английские интеллигенты, заполнившие собой в значительной степени ряды английских социалистических партий, первые занялись рабочей молодежью, при том в форме типичной для английского быта, а именно воскресных школ. Эти школы были рассчитаны

первоначально не на юношей, а на детей из рабочего класса; но через несколько лет оказалось необходимым распространить их работу и на вышедших уже из детского возраста бывших их учеников, так что при воскресных школах стали создаваться секции старших, при чем в виду склонности английской культуры уважать человеческую самостоятельность и оперировать ею старшим ученикам школ стали предоставлять самостоятельное участие в управлении собственными делами. Социалистические воскресные школы были объединены в виде лиги, при чем первоначально эта лига являлась исключительно соединением учащихся в школах, т.-е. занимавшихся в них интеллигентов, но затем вместе с созданием секций старших учеников и предоставлением им известной самостоятельности, эта лига стала так же включать в себе и представителей этих старших секций. Насколько пишущему эти строки известно, объединения социалистических воскресных школ все время представляли организационно некоторую неопределенность и текучесть, как вообще в Англии всякая организационная жизнь отличается отсутствием строгой зафиксированности, значительной пестротой и изменчивостью в зависимости от обстоятельств времени и места.

Кроме чисто культурно-просветительной работы, в социалистических воскресных школах в особенности хлопотали о развитии характера учеников в духе того, что работавшие в школах интеллигенты считали социалистической моралью. Ученики заучивали наизусть десять заповедей социалистической этики, при чем эти заповеди представляют в сущности довольно банальные прописные истины из области расплывчатой филантропии. Много занимались спортами, играми, экскурсиями, особенно следя за развитием индивидуального характера и индивидуальной морали учеников.

Постепенно, вместе с развитием политических партий в английском рабочем движении, эти партии стали обращать более серьезное внимание на организацию социалистического воспитания юношества. Попытки создания чисто социалистических юношеских организаций, точно так же, как попытки влить более серьезное содержание в уже проводившуюся работу в воскресных школах, относятся уже к следующему периоду после возникновения юношеского Интернационала, в момент которого английские объединения социалистических воскресных школ еще не вышли из первоначального филантропического и расплывчатого периода своего развития.

Все те трудности, через которые с величайшими усилиями

приходилось пробиваться рабочей молодежи, стремящейся к самоорганизации, саморазвитию и борьбе за улучшение своего положения, с удвоенной силой препятствовали ее стремлениям в классической стране суровой дисциплины, Германии. Из западно-европейских стран только в Венгрии и Хорватии юношескому движению пришлось вытерпеть такие бичи и скоропионы, как в Германии, при чем в этой последней стране на рабочей молодежи с полной силой лежало тройное бремя деспотического государства, безжалостных капиталистических угнетателей и хозяев и сурового домашнего гнета. В Германии современная крупная промышленность гигантски быстрыми шагами ворвалась в бедную страну сурового неумоимо трудящегося мещанства с его многовековым крепким укладом быта и строгой дисциплиной. Крупный капитал, революционизирующий все человеческие отношения, вызвал в Германии крайне бурный процесс переоценки всех ценностей и быстрого разложения старого быта. Рабочая молодежь, подраставшая под самым суровым гнетом традиционный немецкой семьи, в то же время всеми фибрами впитывала впечатления шумной улицы современного большого города с его бесконечно разнообразными призывами к человеческой личности оторваться от насиженного места и от узких старых традиций. В крупной промышленности перед ней открывались безграничные новые горизонты. Ни в одной стране западной Европы семейные драмы, процесс разрушения семьи, борьба между старым и новым поколениями не приняли таких острых и бурных форм, как в Германии. При первых шагах своего развития в начале нынешнего столетия, при своем первоначальном самочинном возникновении вне всякого воздействия официальной партии, германское юношеское движение было между прочим проявлением протеста пролетарской молодежи против сделавшегося невыносимым старого семейного уклада, и в рядах этих самочинных организаций искали между собой общения и спланивались молодые протестанты против родительского гнета. Пишущему эти строки приходилось в суровых семьях социал-демократических стариков с их пуританской добродетелью наталкиваться на самое враждебное отношение этих стариков к движению молодежи, яко бы вовлекавшему ее во всякие пороки, яко бы приучавшему ее пить, играть на биллиарде, пренебрегать старшими, относиться ко всему с неуважением, усиленно плевать на пол и т. п.

Вслед за гнетом суровой семьи немецкий мальчик подпадал под еще более суровый гнет мелкого хозяина или в убийственную для неокрепшего организма обстановку крупного завода. Точно

так же, как и в Австро-Венгрии, ремесленный быт сохранил в Германии дикие варварские средневековые черты, усиленно поддерживаемые деспотическим германским государством, которому было дорого все, что превращало человека в раба. Не только телесные наказания по отношению к ремесленным ученикам были узаконены, но обнаруживаемые многочисленными процессами невероятные злоупотребления со стороны хозяев по большей части или заканчивались для них оправдательным приговором, при чем адвокаты усиленно превозносили достоинство германской суровой дисциплины, или вели для хозяев к ничтожным до смешного наказаниям. Хотя узаконены телесные наказания были только для ремесла, однако и на заводах подростки наталкивались на то же жестокое обращение, не имея возможности нигде найти для себя управы. Но мало того, то же пренебрежение к человеческой личности подростка, хотя разумеется в меньшей степени, обнаруживалось и со стороны старших товарищей, и со стороны взрослых пролетариев, и даже очень часто со стороны социал-демократического рабочего представителя на заводе. На больших заводах молодые рабочие очень часто отказывались видеть в учениках равных и требовали, чтобы те обедали за другим столом. Русским эмигрантам на заводах в Германии не раз приходилось выдерживать самые тяжелые столкновения со своими товарищами по работе и даже с социал-демократическими доверенными лицами, по поводу их бесчеловечного отношения к ученикам. Взгляд на молодого человека, как на низшее существо, был настолько глубоко внедрен в широких массах германского народа, что и в социал-демократической партии молодежь постоянно встречала надменное презрительное отношение со стороны старших товарищей. Частым явлением были в социал-демократических организациях грубые окрики на молодых членов, если они пытались раскрывать рот и участвовать в дебатах. Такое отношение к молодежи наблюдалось даже в руководящих верхах рабочего движения. Либкнехт говорил мне с большим негодованием о том, как во время беседы с генеральным секретарем профессиональных союзов Легином по поводу господствовавших в германской армии истязаний последний сказал ему: „Если иногда молодому человеку дадут пощечину, это большого значения не имеет“.

Германские юношеские организации были, таким образом, связаны с полным переворотом во взглядах на самое отношение к молодежи, на ее положение в обществе и, если всмотреться еще глубже, на роль человеческой самодеятельности вообще и

на самые основные принципы ведения классовой борьбы. Так юношеское движение и было понято наиболее передовыми представителями революционного рабочего движения в Германии, Либкнехтом Дункером и Кларой Цеткиной, которые и стали самыми восторженными пионерами революционного германского юношеского движения. Значительная часть известной брошюры Либкнехта „Милитаризм и антимилитаризм“, из-за которой он был посажен в крепость в 1908 году, была посвящена обоснованию необходимости существования юношеского движения и самостоятельных организаций молодежи.

В 1903 году возникают социал-демократические юношеские организации на юге, а в 1904 году на севере Германии. В великом герцогстве Баденском, с его более свободным законодательством, юношеские организации могли существовать без особых преследований и даже заниматься политическими дискуссиями, при чем их созданием занялся хотя и оппортунист, впоследствии социал-патриот, но отзывчивый человек, доктор Франк. Из Бадена юношеские организации скоро перекинулись и в соседние южно-германские государства, Гессен и Вюртемберг, при чем в Вюртемберге, стране ожесточеннейшей борьбы между оппортунистами и революционными марксистами, юношеские организации вскоре стали серьезными олорами революционного марксизма. По образцу Бельгии, Баденские организации носили название молодых гвардий и стали издавать орган „Молодая Гвардия“.

Несравненно более суровую борьбу пришлось выдержать возникшим самочинно юношеским организациям в Пруссии, где под непосредственным влиянием Либкнехта инициаторами их были два энергичных молодых человека, Макс Петерс и Машке, из которых второй вскоре преждевременно погиб, в результате непосильной работы, от туберкулеза. Северо-германские юношеские организации, в виду недозволения юношам вступать в политические союзы, по необходимости носили официально характер культурно-просветительных кружков, но в действительности это были настоящие революционные социал-демократические организации. Их орган „Рабочая Молодежь“, несмотря на необходимость некоторого эзоповского языка, был проникнут чрезвычайно сильным революционным настроением и самой заразительной восторженностью. Если сравнить „Рабочую Молодежь“ этого первого периода с издававшимся позднее, в период партийной опеки на большие деньги партийным органом для молодежи, то прямо бросается в глаза бесконечное различие между вторым, тщательно разработанным, стоившим больших денег, но холодным, казен-

ным, не заживавшим искры восторга в читателе,—и непритязательным органом первого периода, ясно носившим следы самочинной бедной организации, но проникнутым необыкновенно боевым, революционным духом и восторгом.

На ряду с этими полулегальными организациями существовали и вполне конспиративные, чисто революционные, социал-демократические организации молодежи. Пишущему эти строки пришлось встретиться с такими организациями в Саксонии, где они собирались совершенно конспиративно, со всяческими предосторожностями, скрываясь от полиции, как в России. Там читались рефераты на всевозможные политические и культурные темы, при чем 14-летние молодые люди обнаруживали поразительную зрелость и знакомство с разнообразными политическими и культурными вопросами и выступали с чрезвычайно интересными и содержательными речами по всем трактуемым вопросам.

Все элементы были налицо для серьезного плодотворного юношеского движения, но внешние препятствия для него были еще слишком велики. Его быстрое самочинное развитие обратило на себя неблагосклонное внимание партийных и профессиональных верхов, в особенности наиболее оппортунистических его элементов, и, в частности, известный профессионалист-оппортунист Роберт Шмидт стал кричать о грозившей германскому рабочему движению опасности и стал произносить яростные речи на тему о необходимости обуздать молодежь. Год за годом съезды германской социал-демократии регулярно отклоняли резолюции Либкнехта об антимиитаризме и работе среди молодежи, хотя мангеймский партийный съезд 1906 г. и принял платоническую резолюцию симпатии в общей форме в отношении юношеского движения. Вопрос о юношеских организациях делается вскоре одним из наиболее боевых вопросов в самом центре внутри партийной борьбы германской социал-демократии, и в этой именно обстановке произошло в 1907 году создание юношеского Интернационала, при котором могучая и столь влиятельная германская социал-демократическая партия, разумеется, употребила свое влияние в направлении сокращения рамок и обуздания самостоятельности нового Интернационала. А вслед за созданием последнего произошла решительная схватка по поводу юношеского движения в самой Германии, закончившаяся, при содействии депотического полицейского государства, в 1908 году удушением самостоятельного юношеского движения.

VII.

Еще на парижском конгрессе 1900 года в резолюции об анти-милитаризме интернационал высказался в пользу создания социалистических юношеских организаций. В 1907 году одновременно с международным социалистическим конгрессом состоялась Штутгартская первая международная конференция юношеских социалистических организаций, создавшая юношеский интернационал, который и был признан штутгартским конгрессом. Были приняты принципиальные решения о задачах юношеского интернационала и были выработаны основы его международной организации. Было выяснено, что юношеское движение, хоть и в различной степени в разных странах, ставило себе три цели, которые и были сакционированы в Штутгарте как программа юношеского интернационала: 1) борьба против милитаризма, 2) культурно просветительная работа среди молодежи, 3) улучшение экономического и юридического положения молодежи. В прекрасной речи Генриетты Роланд-Гольст необходимость осуществления этих трех задач и существования для этой цели юношеского интернационала была подробно и убедительно разработана и доказана. В организационном же отношении официальные партии, под сильным влиянием германской социал-демократии, решили дать молодежи очень немного. Было создано международное Бюро Социалистической Молодежи в Вене, с доктором Даннебергом в качестве секретаря, или, точнее говоря, было официально признано существование международного бюро, успевшего уже создаться раньше самочинно, благодаря усилиям Либкнехта, венгерца Альпари и бельгийца Генриха де-Мана, из которых последний был наиболее активным деятелем в деле международного объединения юношеских организаций, но сношения международного бюро с юношескими организациями отдельных стран должны были происходить или через официальные партии каждой страны или через лицо, которое официальная партия для этой цели назначит. Таким образом, юношеские организации были лишены возможности совместно бороться за улучшение своего положения по отношению к официальным партиям или внутри их. В каждой стране юношеское движение было целиком оставлено на произвол официальной партии, и юношеское международное бюро могло играть роль лишь информационную и в сущности довольно ничтожную. Юношеский интернационал 1907 года был, таким образом, отчасти фикцией, попыткой со стороны официальных партий отделаться кажущейся уступкой от настойчивого требования

реальной жизни, без намерения с последней серьезно считаться. Официальные партии так и мотивировали незначительность сделанной молодежи уступки: форма юношеского движения зависит в различных странах от местных условий, общего шаблона не может быть, решающий голос в данном случае может принадлежать исключительно социалистическим партиям каждой страны, международное объединение юношеских организаций не должно идти дальше создания между ними простого контакта. Даже в этом куцом интернационале германская социал-демократия не разрешила своей молодежи официально участвовать.

Что могущественная германская социал-демократия нарочно оставляла за собою право полного распоряжения своей молодежью ради улучшения самостоятельного юношеского движения, этого можно было ожидать уже в Штутгарте, и это осуществилось в следующем году, когда наиболее энергичный защитник молодежи в Германии, Карл Либкнехт, был на полтора года посажен в крепость за свою брошюру об антимилитаризме. В разговорах с русскими эмигрантами тов. Либкнехт выражал уверенность, что партийные верхи воспользуются его отсутствием, чтобы задушить движение молодежи, и даже просил русских эмигрантов сделать все, что в их силах, для того, чтобы помочь германским юношеским организациям пережить грозящие им испытания. Самую злостную агитацию вел в это время против самостоятельного юношеского движения Роберт Шмидт, и почва была подготовлена для нанесения юношескому движению удара. Этому помогло германское полицейское государство: в 1908 году был принят рейхстагом новый закон о союзах и собраниях, окончательно узаконивший и распространивший на всю Германию прежнюю практику Саксонии и Пруссии относительно молодежи, т.-е. запрещение молодежи до 18 лет участвовать в политических организациях и в политических собраниях. Дана была, таким образом, возможность германской социал-демократии сослаться на железную необходимость принятия решительных мер против самостоятельного юношеского движения.

Германскому партийному Съезду 1908 года, состоявшемуся в Нюрнберге, предшествовал женский социал-демократический съезд. На этом съезде Клара Цеткина произнесла по вопросу о юношеском социалистическом движении речь, которую можно признать классической и которую можно рекомендовать каждому интересующемуся юношеским движением, как исчерпывающую формулировку политических и культурных задач и организационных потребностей юношеского социалистического движения.

В главных чертах речь тов. Клары Цеткиной сводится к следующему. Основной фактор, поведший к возникновению юношеского социалистического движения, есть капиталистический строй. Он именно вырывает мальчика и девочку из семьи и бросает их на рабочий рынок, делает их с отроческих лет предметом выдвигания сверхприбыли в пользу господствующего класса. Но вместе с тем эксплуатирующий молодежь капитал совершает глубочайший переворот в отношениях ее к семье и во всем ее сознании. Экономически молодежь, вступившая в армию наемного труда, стоит уже на собственных ногах, семья перестает быть для нее местом покровительства и воспитания. Старые семейные отношения были построены на абсолютном праве приказания со стороны родителей, экономически содержащих семью, и на абсолютном обязательстве повиновения детей, экономически содержимых родителями. Вместе с приобретением молодежью экономической независимости, это отношение грубой силы между родителями и детьми революционизируется. На место беспрекословного повеления с одной стороны и слепого повиновения—с другой, должны стать товарищество и дружба. Необходимость заботиться о собственном пропитании ведет к быстрому созреванию молодежи и пробуждает в ней сознание собственной независимости. Будучи вовлечены в механизм сложной современной социальной жизни, молодые люди рано приучаются самостоятельно решать и действовать. Сделавшись составными частями общественного процесса производства, молодые люди признают свое социальное значение, как рабочих. Они начинают требовать, чтобы не только родители, но и все взрослые вообще видели в них равноправных товарищей, вместе с ними имеющих право голоса во всех вопросах, касающихся их жизни. Одним словом, стук паровых молотов и скрип колес капиталистических предприятий пробуждают в молодых пролетариях сознание того, что они—человеческие личности с собственными правами и собственными обязанностями. Однако, это сознание не ведет в рабочей молодежи к тому настроению крайнего индивидуализма, который господствует в буржуазном юношестве. Для пролетарской молодежи индивидуализм не является принципом личного развития и общественной деятельности. Для нее полярная звезда есть другой принцип. Среди механизма капиталистического производства молодой пролетарий рано начинает видеть, что, будучи предоставлен собственным силам, он не что иное, как листок, носимый по воле ветра и бурь окружающего экономического и социального мира. Он чувствует, что будучи один, он будет по-

бежден в борьбе с враждебными силами жизни. Сами факты внушают ему убеждение, что силу для победы он может черпать лишь из солидарности и общности воли и действий со всеми теми, чьи страдания являются его страданиями, чьи желания являются его желаниями. Молодой пролетарий рано начинает сознавать, что он есть член своего класса. К тому же ведет его потребность в здоровом и полном развитии всех заложенных в нем сил и способностей. Молодым пролетарием овладевает горячая жажда того, чтобы все заложенные в нем силы расцвели в полном блеске, и между тем тысячи голосов кричат ему отовсюду: эти возможности развития тебе не даны. Молодой пролетарий сознает, что из него могло бы выйти всесторонне и гармонически развитое существо, он видит, что заложенным в нем силам и красоте его человеческой личности не дано расцвести пышным цветом, и он видит также, что то именно, что препятствует ему в этом, есть то самое, что препятствует в этом и всем его сотоварищам по возрасту и по классу,—классовое положение пролетариата. Сама жизнь заставляет его понять, что источник всех его бедствий есть классовое положение его и всех ему подобных, и что единственный выход для него и для них, единственная возможность и для него и для них завоевать себе лучшее будущее—общая борьба в рядах рабочего класса против существующего строя и за его преобразование. Молодые пролетарий научаются видеть в классовой борьбе ту силу, которая должна открыть свободный путь для их развития. Они проникаются сознанием того, что и для их расцветающей человеческой личности единственный великий освободитель есть социализм. Им становится ясно, что их будущее неразрывно связано с историческими жизненными интересами всего пролетариата в целом.

Тут именно выступает на сцену социалистическое юношеское движение. Оно есть часть пролетарской борьбы за собственные интересы и за собственное освобождение, к которой пролетариат толкается своим классовым положением. Стоящие перед молодежью задачи должны быть ею выполняемы ее собственными силами. Точно так же, как пролетарское движение призывает женщину, как равного товарища, в свои собственные ряды, точно также и пролетарское юношество должно путем саморазвития и самодеятельности двигаться вперед, улучшать свое положение и завоевывать себе лучшее будущее. Основной принцип самого социализма есть принцип самодеятельности, как и само освобождение рабочего класса должно быть делом рук самого рабочего класса. Первым актом в этой борьбе должно быть пробуждение

воли к собственному самостоятельному действию. Развить эту волю в молодом пролетарии, укрепить ее и направить на единую великую классовую цель—вот что должно сделать социалистическое юношеское движение. Но сама объективная действительность толкает юношу к тому, чтобы в целях саморазвития, улучшения своего положения и завоевания себе подобным лучшего будущего объединиться со своими сверстниками для совместного выполнения этих задач. Культурно-просветительная и агитационная работа среди молодежи и среди взрослых не может вестись одинаково. Природа молодежи другая, ее положение в обществе другое, на ней лежит гнет не только существующего строя, но и старших товарищей и семьи. Лишь в своей собственной организации, в среде своих сверстников *молодой рабочий чувствует себя вполне свободно, как у себя дома, и может вполне плодотворно заняться работой коллективного саморазвития.* Первым, основным, главнейшим принципом всякой революционной педагогики есть обращение к самостоятельности воспитываемых. Только на почве самостоятельности, только в организациях, где молодежь пользуется самоуправлением, может успешно совершаться работа ее коллективного революционного саморазвития. Здоровое развитие сильной революционной личности может быть результатом лишь собственных коллективных усилий. Достаточно посмотреть на то, с каким жаром, с каким восторгом юноша отдается работе, связанной с его собственной юношеской организацией, чтобы понять, что мы имеем тут дело с самой могучей потребностью, с величайшей творческой силой, которой обойти нельзя. Дело взрослых—помогать молодежи советами, приходить им на помощь своими знаниями и своим опытом, к которым молодежь всегда охотно прибегает, когда на ее самостоятельность нет посягательства, притом необходимость контроля организованного пролетарского движения в целом над его частью—юношеским движением этим не отрицается. Но задачи юношеских организаций заключаются не только в приобретении теоретических знаний, но, прежде всего, в развитии всего человека, как пролетарского борца, проникнутого классовыми идеалами и способного к ведению борьбы, а для этого нужно не только приобретение знаний, для этого нужно живое развитие в процессе живого дела, в реальной борьбе. Пред юношескими организациями стоит не только задача культурно-просветительной работы, но прежде всего задача борьбы за улучшение положения молодежи. И в этом отношении взрослые пролетарские борцы должны приходить молодежи на помощь. Борьба за улучшение экономического

и юридического положения молодежи есть, конечно, задача всего пролетарского движения в целом, но задача юношеских организаций—специально посвящать себя этой борьбе, вести среди молодежи для вовлечения ее в эту борьбу ту агитацию, которую только юноша может и умеет вести среди своих сверстников, обращать внимание движения в целом на все то, что другой, кроме самого заинтересованного лица, легко может упустить, создавать всевозможные органы содействия своим обездоленным сверстникам—и в этой живой работе, в этой реальной борьбе на деле вырабатываются сильные пролетарские борцы, из самой жизни они черпают целиком проникающее их революционное социалистическое сознание. Но этого мало. Если юношеские организации имеют своей специальной задачей культурно-просветительную работу среди молодежи и борьбу за улучшение положения молодежи, то, кроме того, молодому рабочему необходимо также участвовать во всей полноте в классовой борьбе, которую ведет его класс в целом. Плодотворное развитие может происходить только в живой действительности, а не у кабинетного стола. Только действительность, только борьба создает сильного борца и проникает его всецело и органически классовыми идеалами. Юноша должен не только работать в своей юношеской организации, но одновременно он должен иметь возможность, наравне со своими взрослыми братьями по классу, участвовать во всей той борьбе, которую ведут последние. Итак, недостаточно создание особых юношеских организаций, надо кроме того широко открыть пред их членами двери партийных организаций. И одно необходимо, и другое. Юношеские организации нужны молодежи, без них она обойтись не может, но ей нужно и другое, ей нужно также беспрепятственное участие во всей жизни и во всей борьбе социал-демократической партии, как целого. И последняя со своей стороны нуждается в молодежи. Революционное рабочее движение не может обойтись без полного участия в нем его молодых сочленов. Молодежь есть наиболее отзывчивая часть класса, наиболее восторженная, наиболее открытая далеким идеалам и новым требованиям, которые приносит с собою каждая новая историческая минута. Молодой ум еще не впал в шаблонность, всякий новый призыв истории до него доходит прежде всего. Молодежь дает революционному рабочему движению размах, энтузиазм, пламя, которые без нее будут в нем налицо лишь в недостаточной степени. Если молодежь нуждается в нас, социал-демократической партии, то и мы, социал-демократическая партия, нуждаемся в молодежи. Итак, два главных принципа долж-

ны быть положены в основу организации молодежи: последняя должна иметь свои особые юношеские организации для культурно-просветительной работы, и для борьбы за улучшение положения молодежи, и кроме того она должна иметь право вхождения на равном основании в организации взрослых для совместного с ними участия во всей их борьбе. Основной принцип, с которым социал-демократия должна подходить к молодежи, есть принцип ее самостоятельности и самоуправления. Если мы говорим, что дело освобождения рабочего класса должно быть делом его собственных рук, то и к молодежи мы должно обращаться с призывом, чтобы борьба за улучшение ее положения и за ее развитие была делом ее собственных рук. Основной принцип революционного социалистического движения заключается в том, что освобождение не может быть даруемо сверху, а может быть лишь результатом собственных усилий освобождающихся. Этот основной принцип должен, точно также, применяться и к рабочей молодежи.

Переходя к более специальным задачам работы юношеских организации, Клара Цеткина указала, что на первом плане в программе их теоретических занятий должны быть те науки, которые больше всего нужны борющемуся за свое освобождение классу, т. е. науки социальные, выяснение структуры человеческого общества, действующих в нем законов и движущих сил, неотвратно толкающих к преобразованию всего человеческого общества и к социальной революции. Но наряду с этим видное место должны занимать естественные науки. Молодой пролетарий должен приучаться к тому, чтобы повсюду вокруг себя видеть закономерные естественные процессы, совершающиеся и во всей природе, и в высшем проявлении последней—в человеческом обществе. Понимание процесса исторического развития человеческого общества будет неполным, если оно не будет основываться на понимании естественных процессов всей природы, на знакомстве с развитием самой жизни вообще. И молодой пролетарий должен не только проникаться классовым сознанием, но и приучаться любить самую жизнь, чувствовать себя частицей единого великого целого, закономерно развивающейся в непрерывной борьбе природы, всего мира, как целого. Знакомство с естественными науками будет также лучшим противоядием против религиозных предрасудков, от которых так трудно отделаться приучаемым к ним с детства молодым поколениям. Без религиозного освобождения невозможно полное и окончательное освобождение угнетенного класса. Религиозные

предрассудки могут быть лишь тогда устранены, когда они заменены ясным и твердым знанием окружающего нас и проявляющегося в нас бытия. Специальное внимание должно быть обращено и на борьбу против милитаристических склонностей и предрассудков, на антимилитаристическую агитацию. Но рядом с приобретением теоретических знаний много внимания и времени должно быть уделяемо и физическому развитию молодежи, спорту и играм. Существующий строй так пренебрегает физическими потребностями рабочей молодежи, гигиенические условия ее существования и развития на столько тяжелы, условия ее труда настолько для нее губительны, что необходимой задачей юношеских организаций, ради самых элементарных интересов своих членов, является забота об улучшении их физического состояния, т. е. о физическом развитии их. Это нужно и потому, что нашей целью является выработка всесторонне и гармонически развитой человеческой личности, все силы и вся красота которой расцвели бы пышным цветом, как у древнего грека, т. е. развитие не только умственное, но и физическое. При этом в спорте и играх молодежь должна пользоваться и радостью жизни и приучаться к мысли, что реальное существование есть источник счастья и радости, и что полное и всестороннее человеческое развитие связано с наслаждением жизнью и человеческим существованием. Специально налегает Клара Цеткина и на необходимость создания совместных организаций юношей и девушек, которых существующие предрассудки и варварские взгляды на положение женщины до сих пор постоянно отделяли одних от других. Молодой пролетарий и его молодая сверстница должны приучаться смотреть друг на друга, как на друзей и товарищей, призванных уважать друг в друге во всей полноте человеческую личность и участвовать вместе, как равные, как друзья и товарищи, в общей борьбе за свое освобождение. Юноша должен приучаться видеть в женщине подругу, а не объект наслаждения, и девушка должна приучаться смотреть на себя, как на вполне и всецело полноправного члена человеческого общества, с теми же правами и обязанностями, которые принадлежат мужчинам. Самое же главное, что должно путеводной нитью проходить через все юношеское движение—оно должно создать новое поколение революционных борцов, уже не переносящих подобно их предшественникам старых мешанских пережитков в новое движение, но целиком, всесторонне, без остатка проникнутых социализмом, каждую деталь работы сегодняшнего дня связывающих с великим конечным идеалом, и в каждое мгновение сегодняшнего

дня действующих с таким жаром, восторгом и преданностью идеалу, как будто момент его осуществления наступил уже сегодня.

Набрасывая эту грандиозную программу целей и задач юношеского движения, Клара Цеткина не раз с большим пессимизмом выражалась о недостаточном понимании значения юношеского движения, господствовавшем у большинства партийных работников. Она развивала свои взгляды, зная, что бросаемые ею семена упадут кое-где на благодарную почву, но в то же время ясно сознавая, что в тот момент на предстоявшем в Нюрнберге германском партийном съезде всему этому не суждено было осуществиться. И действительно, она не ошиблась.

VIII.

1906 год был моментом перелома в истории старой германской социал-демократии. В начале столетия, в первые годы борьбы против ревизионизма, в ней еще были отчасти живы революционные традиции прежнего времени, завершившиеся заметным революционным подъемом в 1905 г. После поражения первой русской революции, в германской социал-демократии внезапно наступил резкий перелом, проявившийся на партийном съезде в Мангейме в 1906 г. Прежние революционные традиции в это время превращаются в условные фразы, плохо прикрывающие мещанский шаблон политиканствующего крохоборства и окостенения партийной жизни в механическом воспроизведении все тех же старых тактических методов и в мертвящем господстве партийной бюрократии. Мертвым бременем начинает тяготеть в это время на германской социал-демократии непомерно усилившееся и насквозь проникнутое самым злостным оппортунизмом и ненавистью ко всему, сколько-нибудь отзывающемуся революционностью, грандиозное германское профессиональное движение. В 1907 и 1908 гг. наблюдается уже форменное засилье профессиональных союзов, постоянная уступчивость партии по отношению к ним в наиболее важных вопросах дня. Когда потребовалось задуть юношеское движение, именно профессиональные союзы выступили на сцену, как наиболее откровенные и наглые проводники реакционной политики по отношению к юношеству, и социал-демократическая партия в этом вопросе просто играла перед ними унижительную роль и явно плясала под их дудку. Дело началось с закрытого собрания лидеров профессиональных союзов, совещавшихся о мерах борьбы против молодежи, при чем об этом секретном со-

вещании стало известно в более революционно настроенных кругах германского рабочего класса, и в результате этим было вызвано сильное негодование, так что на нюрнбергском партийном съезде представителю партийного правления пришлось даже оправдывать профессиональные союзы от упрека в устройстве каких-то тайных заговоров против молодежи. За этими первыми совещаниями последовали совместные собрания генеральной комиссии, профессиональных союзов и партийного правления, на которых последнее просто исполняло волю первой. Решения этих собраний являются типичными образцами самых заскоружных мещанских реакционных взглядов на отношение к молодежи. Было признано, что буржуазия предупредила социал-демократию и ранее последней всеми силами начала развивать буржуазное юношеское движение и буржуазные организации молодежи. „В виду создавшейся таким образом опасности, — постановило совещание, — надо заинтересовать политически и профессионально организованных родителей в вопросе о развитии молодежи. При участии представителей молодежи, партийные и профессиональные организации должны в отдельных местах устраивать все необходимое для развития молодежи. Все устраиваемое ими должно предоставляться пользованию молодежи безвозмездно, и создание юношеской организации для осуществления этой цели излишне“.

Итак, молодежь, по мнению гг. мещан из партийного правления и генеральной комиссии, должна быть лишь пассивным объектом, которым по своей воле распоряжаются старшие и для которой все нужное делается старшими. Раз такова была исходная точка зрения гг. официальных вершителей судеб германского рабочего движения, легко было предвидеть, что кроме удушения юношеского движения ничего от этой клики нельзя было ожидать.

Сейчас же вслед за принятием буржуазными партиями рейхстага нового закона о союзах с запрещением юношам моложе 18 лет участвовать в политических собраниях и союзах, состоялся гамбургский съезд германских профессиональных союзов. Хотя официальные юношеские учреждения следующих лет были созданы на основе решений нюрнбергского партийного съезда, но в действительности вдохновителями всей систематически проводившейся партийными инстанциями линии по отношению к молодежи были верхи профессиональных союзов, точка зрения которых изложена в резолюции по юношескому вопросу, принятой гамбургским съездом. Приводим полностью ее текст:

„Съезд считает, что развитие стремлений молодых рабочих и работниц к образованию и в особенности введение их в полити-

ческую и профессиональную деятельность есть важная задача освободительной борьбы рабочего класса. Эта задача выполняется устройством хороших лекций, приуроченных к уровню понимания молодежи прежде всего в области естественных наук, гигиены, литературы, искусств, техники, юридических наук, политической экономии, истории, политики и деятельности профессиональных союзов. Рядом с этим, путем устройства культурно-просветительных начинаний серьезного характера, а также развлечений, следует развивать общественную жизнь молодежи, а также заботиться об организации ею спорта и игр в таких границах, чтобы это не превращалось в одностороннее увлечение. Для этих целей создание специальной юношеской организации является излишним; наоборот, профессиональные союзы будут сами в специальных секциях для своих молодых членов и для принадлежащей к их профессии молодежи заботиться о развитии и воспитании последней в духе этой программы. Участие в лекциях и, по возможности, во всех остальных организуемых ими начинаниях, должно быть для молодых рабочих и работниц безвозмездно. Устройство всего этого в каждом отдельном месте должно быть поручено комиссии, образованной местным советом профессиональных союзов и местной партийной организацией при участии нескольких представителей молодых рабочих и работниц. Заботы об экономических интересах и принятие решений о политических партийных вопросах остаются попрежнему исключительной задачей профессиональных и политических организаций“.

Революционные элементы движения, группировавшиеся вокруг Либкнехта, Дункера и в юношеских организациях, отлично понимали, что никакие полицейские рогатки и буржуазные законы не могли служить действительным препятствием для развития революционных юношеских организаций, если бы само организованное рабочее движение не захотело последних уничтожить. Два пути представлялись революционным элементам целесообразными: мог сохраниться союз юношеских организаций формально неполитического характера, как те, которые уже существовали в Северной Германии, и кроме того можно было создать политические организации из юношей старше 18-ти лет, которые служили бы легальным прикрытием для действительных юношеских организаций, включающих и молодежь ниже этого возраста. Оба эти пути решено было испробовать; только для этого требовалось, чтобы официальные партийные организации не поставили себе определенной целью задушение самостоятельного юношеского движения.

Между тем сейчас же после резолюции гамбургского съезда партийное правление и генеральная комиссия начали действовать весьма энергично именно в таком направлении. Был созван наспех, без предупреждения некоторых организаций и многих членов, съезд южно-германских молодых гвардий в Дармштадте. Революционные элементы юношеского движения настаивали на том, чтобы южно-германский союз молодежи не уступил своей позиции без боя и сделал, во всяком случае, все возможное для prolongирования своего существования. Именно для того, чтобы этому помешать, партийное правление и генеральная комиссия поспешили поставить их перед совершившимся фактом, устроив им сюрприз неожиданно состоявшимся дармштадтским съездом. В Дармштадт поехал от партийного правления только что вступивший в последнее новый партийный секретарь, типичнейший представитель молодой, насквозь проникнутой узким мещанским духом заскорузлой партийной бюрократии—Герман Мюллер. Генеральная комиссия делегировала самого злостного оппортуниста и врага молодежи Роберта Шмидта. Под непосредственным давлением обоих представителей высших инстанций движения дармштадтский съезд южно-германских молодых гвардий, несмотря на крайне неполный свой состав, просто объявил союз распущенным. Согласившись, однако, на полное упразднение союза молодых гвардий, дармштадтский съезд принял постановление о проведении как раз той программы создания легальных прикрытий из групп старшей молодежи, которая, по мнению революционных элементов, могла бы повести к действительному продлению существования настоящего самостоятельного юношеского движения. Дармштадтский съезд решил, что юноши старше 18-ти лет должны составить агитационные комитеты и продолжать распространять орган „Молодую Гвардию“. Центральный комитет молодых гвардий должен был продолжать существовать и вместе с агитационными комитетами заботиться об издании „Молодой Гвардии“. К сожалению, тут же было прибавлено, что центральный комитет мог по своему усмотрению передать „Молодую Гвардию“ и денежные средства союза партийному правлению германской социал-демократии. Было также решено, что местные организации молодых гвардий везде, где это только было возможно, должны были продолжать существовать как не политические, образовательные фереины. Эта резолюция представляет таким образом смешение некоторых пунктов из программы революционных поборников дальнейшего существования самостоятельного движения молодежи и некоторых других, весьма опасных

пунктов, помогших реакционным верхам социал-демократии провести на нюрнбергском съезде желаемую ими систему удушения молодежи.

Партийное правление и генеральная комиссия выработали для представления нюрнбергскому партийному съезду проект резолюции об юношеской организации, заключающий в себе, само собой разумеется, обычный словесного типа протест против принятого рейхстагом реакционного закона, и вслед затем почти буквальное повторение резолюции гамбургского съезда профессиональных союзов.

С этой революцией интересно сопоставить другую, представленную нюрнбергскому съезду Либкнехтом, или точнее, его организацией Потсдам—Шпандау. Хотя по тактическим соображениям эта резолюция была составлена в крайне осторожных выражениях, тем не менее стоит привести здесь ее текст целиком, как яркий контраст с мещански-ограниченной реакционной точкой зрения бюрократических душителей молодежи из партийного правления и генеральной комиссии. Вот текст этой резолюции:

„Успехи, достигнутые до сих пор юношескими организациями, при жестоких преследованиях, которым они подвергались, и при незначительной поддержке, которой в большинстве случаев они пользовались, следует признать удовлетворительными. Если со всех сторон будут доброжелательно способствовать их развитию, между прочим и со стороны профессиональных союзов, к чему следует стремиться, успехи этих организаций могут быть несравненно более значительными. Вопрос о форме и задачах юношеских организаций был до сих пор для партии решенным вопросом, притом в смысле самостоятельности их, что не имеет ничего общего с распылением сил, и где это было возможно, в смысле их политического характера. Издание нового закона о союзах снова поставило на очередь вопрос, но лишь вопрос о том, какие изменения должны быть введены в результате нового правового положения, в частности, возможны ли еще в будущем самостоятельные юношеские организации, но никоим образом не вопрос о том, необходимы ли такие организации в тех случаях, где они возможны, что уже было решено в утвердительном смысле на вполне достаточных основаниях постановлениями международных конгрессов 1900 и 1907 г.г. и резолюцией мангеймского партийного съезда 1906 г. Так как для Северной Германии, в особенности для Пруссии и Саксонии, в правовом положении наступило существенных перемен, то из этого следует тот вы-

вод, что нет никакого основания для разрушения северо-германских организаций или для пересмотра отношения к ним со стороны партии. Следует рекомендовать распространить северо-германские организационные формы на всю Германию. Эта организационная форма нисколько не мешает ни профессиональным организациям молодежи, ни созданию особенных комиссий для политической пропаганды среди молодежи, но, наоборот, открывает возможность этого. Если со всех сторон будет иметься налицо добрая воля, разделение труда будет само собой достигаться. Самостоятельные юношеские организации и в будущем, как и до сих пор, не могут, и сами не пожелают, обходиться без некоторого контроля и надзора со стороны опытных старших лиц, но этот контроль и это руководство должны проводиться с тактом. Безусловно должны быть соблюдаемы два принципа: 1) дальнейшее допущение самостоятельных юношеских организаций в указанном смысле, 2) удовлетворительное для обеих сторон соглашение с существующими, до сих пор допущенными и даже поддерживавшимися партией организациями о каких бы то ни было изменениях в их положении; не должно быть никакого насильственного навязывания изменений вопреки их воле. Обсуждение вопроса о юношеской организации на партийном съезде по тактическим соображениям нежелательно. Обсуждение мер, желательных по выше приведенным соображениям, и достижение соглашения между всеми заинтересованными сторонами, между прочим и по вопросу об издании органа, поручается партийному правлению вместе с генеральной комиссией и с культурно-просветительной комиссией партии."

Хотя в момент нюрнбергского съезда Либкнехт уже находился в крепости, однако, авторитет его и его друзей из левого крыла партии был настолько велик, и среди массовиков-делегатов левое течение находило такой отклик, что бюрократическим интриганам из партийного правления нужно было придумать хитрую стратегию для того, чтобы провести на съезде свой план уничтожения самостоятельного юношеского движения. Уже в своем докладе съезду Герман Мюллер, докладчик партийного правления, подчеркивал, ссылаясь на газетную полемику последнего времени, что партийное правление вовсе не имеет в виду „слопать шею“ юношеской организации и что об удушении юношеского движения не может быть и речи. Для выработки резолюции была избрана комиссия, в которую было введено, рядом с неизменными Германом Мюллером и Робертом Шмидтом, несколько представителей крайнего левого крыла, и в том числе ци-

пломат левой части съезда Гаазе, постоянный соглашатель между левыми и бюрократическими верхами партии.

Из резолюции партийного правления комиссией было выброшено слишком откровенное одиозное выражение, неосторожно раскрывавшее план партийных верхов: „Для того, чтобы эти цели были осуществлены без существования особых юношеских организаций, должны в отдельных местах быть создаваемы комиссии для работы среди молодежи“. Официозная версия партийного правления заключалась в том, якобы никакого удушения не предполагается, и поэтому откровенное выражение плана удушения из резолюции было выброшено. Текст резолюции после введенных в нее изменений гласил так:

„Развитие стремлений молодых рабочих и работниц к образованию есть важная задача освободительной борьбы рабочего класса. Партийный съезд обязывает организации заботиться о том, чтобы рабочая молодежь была воспитываема в духе пролетарского миросозерцания. Для достижения этой цели должны быть устраиваемы лекции, приуроченные к уровню понимания молодежи. Рядом с этим, путем устройства культурно-просветительных начинаний серьезного характера, а также развлечений, и кроме того спортом и играми, следует развивать общественную жизнь молодежи. Для этой цели должны быть созданы в каждом месте особые комиссии. Последние должны быть составлены из представителей местных партийных организаций и советов профессиональных союзов с присоединением доверенных лиц молодых рабочих и работниц. В состав всякой такой комиссии должна входить по крайней мере одна товарка. Участие в лекциях и, по возможности, во всех остальных начинаниях этих комиссий должно быть безвозмездное. Комиссии должны содействовать тому, чтобы советы профессиональных союзов заботились о защите учеников. Партийный съезд поручает партийному правлению издание органа для просвещения молодых рабочих и работниц. Представительство экономических интересов и решение политических вопросов, стоящих перед партией, остается попрежнему задачей профессиональных и политических организаций.“

Стратегема, пущенная в ход представителем бюрократических верхов партии, Германом Мюллером, заключалась в том, чтобы убедить левых членов комиссии и левые элементы съезда, что рядом с намеченными агитационными комиссиями для молодежи предполагается дальнейшее существование, только в более осторожной форме, юношеской организации. Герман Мюллер преп-

ложил комиссии выступить, одновременно с резолюцией, с декларацией о том, что организации для юношей старше 18-ти лет будут существовать попрежнему. Надо было убедить левые элементы в том, будто бы партийное правление принимает их план фактического продолжения существования юношеских организаций под легальным прикрытием групп юношей старше 18-ти лет. Герман Мюллер заявил, что для того, чтобы не напугать правительство и чтобы надуть полицию, нужно упомянуть в декларации исключительно о местных организациях юношей и умолчать о централизованном союзе. Было выпущено и упоминание о 18-тилетнем возрасте участников. В результате получилась следующая декларация, предложенная комиссией съезду вместе с резолюцией: „Резолюция должна быть понята в том смысле, что нет никаких препятствий для деятельности местных юношеских организаций не политического характера, самоуправляющихся при содействии взрослых“. Как передавали своим единомышленникам левые участники комиссии, Герман Мюллер от имени партийного правления дал категорическое обещание, что умолчание о юношеском центре нисколько не означает намерения партийного правления его уничтожить, и что фактически партийное правление признает дальнейшее существование этого центра.

Судьба дипломата из левых Гаазе состояла всегда в том, чтобы быть обманутым беззащитными партийными верхами и в конце концов служить прикрытием для их политики. Так было и на этот раз. Для того, чтобы умиротворить оппозицию, партийное правление выпустило в качестве докладчика от комиссии никого иного, как самого Гаазе. Последний выступил с целым рядом восторженных похвальных отзывов по адресу юношеских организаций, и для того, чтобы, с одной стороны, дать понять единомышленникам, что юношеский центр не будет уничтожен, а, с другой стороны, остаться верным политике осторожности по отношению к правительству, объяснил, что не предполагается уничтожение центрального связующего звена предусмотренных декларацией юношеских организаций, но что это центральное место должно носить информационный характер. В то же время Гаазе в самых привлекательных красках расписал планы партийного правления, которые оно предполагало осуществить для широкого развития юношеского движения, и, в частности, поэтически изобразил те дома молодежи, которые вскоре покроют собой всю Германию и где рабочая молодежь будет находить отдых, развлечение и поучение. Что касается слов резолюции о

том, что решение политических и экономических вопросов остается исключительной монополией партии и профессиональных союзов, Гаазе и тут выступил с весьма гладким дипломатическим объяснением в том смысле, что вовсе не предполагается положить конец деятельности молодежи в борьбе за улучшение своего положения, и что, наоборот, этой деятельности будет открыт широкий простор.

В результате официальных объяснений Гаазе и еще более в результате закулисных обещаний партийного правления, резолюция и декларация комиссии были приняты съездом единогласно, и акт надувательства, необходимый бюрократическим верхам для проведения их плана, был благополучно совершен.

Я встретил после этого тов. Макса Петерса на нюрнбергском железнодорожном вокзале в момент отъезда в Берлин. Он был совершенно разбит и ясно видел, что его дело надолго погребло, что плоды всей работы истекших лет в области юношеского движения потеряны, и что движению предстоит на долгие годы заглохнуть. Я спрашивал его о том, нет ли возможности продолжать борьбу вопреки деспотической партийной бюрократии, но он сказал, что в германских условиях возможность эта исключена, и что положение для юношеского движения безнадежно.

Он оказался совершенно прав. Организации для юношей старше 18-ти лет, предусмотренные декларацией, по большей части совсем не были созданы. Когда несколько лет спустя я имел случай снова увидеться с Либкнехтом и спросил его о том, существуют ли эти юношеские организации, долженствовавшие быть легальным прикрытием для движения молодежи, он сказал мне, что в качестве общего правила этот план не проведен. Функционировали агитационные комиссии для молодежи, при чем во многих из них молодежь совсем не была допущена, а в других она играла в большинстве случаев декоративную роль. Действительно, вся Германия была покрыта сетью домов молодежи, действительно, в них устраивались для молодежи и лекции, и развлечения, молодежь отчасти привлекалась к участию и в управлении этими домами, но все это происходило под постоянным руководством и строжайшей опекой взрослых, и настоящего юношеского движения так и не было. Партийное правление стало издавать для молодежи орган „Рабочая Молодежь“, но этот орган носил самый невыносимый педагогический характер, был органом поучения молодежи, а не живым выразителем ее собственной борьбы. Количество абонентов на этот орган тем не менее возрастало, и в момент конпенгагенского международного кон-

гресса в 1910 году германская социал-демократия могла доложить конгрессу о существовании 65.000 абонентов на „Рабочую Молодежь“. В этом партийное правление усматривало признак развития юношеского движения. В действительности пассивная подписка на орган означала только то, что молодежь нуждалась в интересном чтении, но никакого проявления движения и борьбы в этом усмотреть нельзя было.

В отдельных местах все же существовали организации юношей старше 18-ти лет, и там, где им удавалось спастись от всевозможных преследований, они и в последующие годы были средоточиями левого революционного течения германского рабочего движения. В особенности успешным было их функционирование в тех местах, где существовало сильное лево-марксистское движение, как, например, в Штутгарте, где, опираясь на содействие гг. Дункера и Клары Цеткиной, чрезвычайно успешно развилось и проявило самую широкую плодотворную деятельность юношеское движение, проникнутое ярким революционным настроем и давшее из своей среды нескольких из наиболее видных представителей революционной социал-демократии последующих лет, превратившейся, наконец, в революционный коммунизм.

После выхода из крепости в 1910 году, Карл Либкнехт снова делается средоточием левых революционных элементов германского рабочего движения, все определеннее сплочивавшихся в борьбе против господствующей мертвящей бюрократии и застывшей шаблонной старой тактики партийных верхов, чужавшихся организационных новшеств и всеми силами боровшихся против вступления на новый революционный путь. Старые марксистские фразы окончательно выродились у господствующих верхов партии в бессодержательную фразеологию, служившую прикрытием для фактически реакционной партийной политики. В этот период снова в борьбе между группировавшимися вокруг Либкнехта революционными элементами и бюрократическими верхами видное место занимает вопрос о юношеском движении, о продолжавшейся по отношению к нему политике удушения, о никуда негодном по своему исключительно педагогическому характеру органе для молодежи и о необходимости признать, наконец, законность стремления молодежи к созданию собственного движения и собственной организации. Там, где существовали юношеские организации, они существовали именно благодаря непрерывно ведущейся революционными элементами партии борьбе за права молодежи внутри рабочего движения. И по вопросу о создании действительно централизованного юношеского

Интернационала именно германское партийное правление продолжало быть главным препятствием для реального объединения между собой юношеских организаций отдельных стран. На партийных съездах не раз выплывал на сцену все тот же больной вопрос, при чем реакционные элементы партии возлагали на Либкнехта всю вину за существование внутри партии этого болезненного нарыва. Так продолжалось до начала войны, и вплоть до самого момента возникновения уже во время войны в Германии нового революционного подъема, видную роль в котором стала играть молодежь, партийному правлению удалось продолжать по отношению к ней свою мертвящую политику и удерживать юношеское движение в рамках безнадежно удушавшей его нюрнбергской программы.

IX.

Нельзя сказать, чтобы признанное Интернационалом в 1907 году международное бюро играло большую роль для развития движения молодежи в отдельных странах. Реакционные элементы рабочего движения, в особенности наиболее влиятельной и наиболее бюрократизированной из всех германской социал-демократической партии, позаботились хорошенько о том, чтобы не было действительного слияния юношеского движения различных стран в одно сплоченное интернациональное движение. Одновременно с очередным копенгагенским конгрессом Интернационала в 1910 году и с внеочередным базельским, созванным для противодействия угрозе всеобщей войны, в 1912 году, происходили конференции юношеского Интернационала. На них поднимался вопрос об официальном вступлении в число организаций, примыкающих к международному Социалистическому Бюро, но оно всегда наталкивалось на закулисные препятствия. На базельской конференции представители германского партийного правления в самой грубой форме выразили свое отрицательное отношение к постановке юношеского Интернационала на нормальный организационный базис. Международное бюро способствовало до некоторой степени контакту между юношеским движением различных стран, в ограниченном количестве доставляя взаимную информацию местным центрам, и за эти узкие пределы его роль почти не переходила. Однако, эти годы в общем были временем быстрого и энергичного движения вперед юношеского движения в целом, несмотря на все оставшие ему

препятствия. В эти годы оно в общем и целом уже успело стать на ноги и окрепнуть, и во многих странах оно уже перешагнуло за период тягостной борьбы за существование с нежелающим признавать его старшим поколением и тормозившими его развитие официальными партийными верхами. Тяжелее всего в отношении партийного гнета было его положение в Германии. И во Франции ему пришлось именно в это время вынести с официальными партийными организациями крайне тяжелую борьбу, из которой в момент начала войны французское юношеское движение только начинало еще выбиваться. Очень тяжелым в этом же отношении было положение юношеского движения и в Венгрии. В Чехии оно лишь постепенно освобождалось из-под невыносимой опеки официальной партии. Усиленным гонениям подвергалось оно и в Голландии. В Бельгии как раз перед самой войной оно вступило в полосу организационной борьбы за свои права. В других же странах оно успело настолько окрепнуть, что официальные партии считались с ним, как с крупной силой. В это время окончательно оформливается громадная историческая роль юношеского социалистического движения, как одного из средоточий нового революционного течения мирового рабочего движения. Везде юношеское движение выступает или как одна из главных опор, или даже в некоторых странах, как носитель левого, революционного движения в рабочем классе. Там, где оно успело достаточно окрепнуть и где местные условия позволяют ему беспрепятственно выявлять свою политическую природу, как в Швеции и Норвегии, оно определенно выступает, как новая революционная партия внутри старой социал-демократической партии. Там, где история еще не позволила ему вылиться в столь же крепкие и устойчивые формы, оно раздирается наравне со всем рабочим движением борьбою течений, но все живое в нем остается на стороне революционного течения, и правые юношеские организации оказываются чисто искусственными созданиями оппортунистических партий или течений, лишенными действительной жизни и существующими лишь благодаря официальной поддержке. В тех странах, где в эти годы юношеское движение успело выйти на широкую дорогу настоящей политической борьбы, оно далеко переросло три задачи предыдущего периода—анти-милитаризм, культурно-просветительную работу и улучшение положения молодежи, и заняло передовую боевую позицию в разрешении основных исторических проблем рабочего движения и во всех великих конфликтах, переживаемых рабочими организациями. В тех стра-

нах, где юношеское движение переживало еще период борьбы за существование против официальных партий, борьба за его права и за его положение внутри рабочего движения занимала одно из важнейших мест в общей борьбе поднимавшегося нового революционного течения в рабочем классе против вставших в реакционность господствующих элементов старых организаций. При всех трудностях, которые юношескому движению приходилось переживать, оно в общем и целом быстро и бодро шло вперед, пускало корни и расцветало пышным цветом также и в таких странах, где раньше заметны были одни лишь его первые начатки. Так было, например, в балканских странах, где именно за эти годы оно проходит первую стадию своего развития.

Значительную роль суждено было сыграть юношескому социалистическому движению Швейцарии, которое в момент создания юношеского Интернационала едва начинало проходить первую стадию своего развития. Лишь в самые последние годы перед конгрессом 1907 года возникли первые начатки юношеского социалистического движения в Швейцарии. Рабочее движение Швейцарии отличалось долгое время тем, что местный рабочий класс не оторвался еще окончательно от мелкой буржуазии и крестьянства, настоящий же пролетариат в современном смысле слова в значительной степени состоял из пришлых элементов— в известных отраслях из немцев, в других из итальянцев. Швейцарское рабочее движение представляло поэтому из себя большое количество различных организаций, среди которых значительную роль играли организации иностранцев, частью итальянские союзы рабочих известных профессий, частью связанные с швейцарской социал-демократией германские профессиональные или партийные рабочие организации. Местное рабочее движение отличалось господством, с одной стороны, мелкобуржуазного оппортунизма, соглашательства и постепенщины, а с другой стороны, разных видов анархизма, иногда переплетавшихся с социализмом в виде самых причудливых идейных путаниц. Таким типичным для Швейцарии путаником был знаменитый цюрихский „анархист-социалист“, пытавшийся соединить несоединимое, талантливый оратор и насквозь безалаберная голова, сыгравший значительную роль в развитии швейцарского юношеского движения—доктор Брупбахер. Более определенно анархические течения господствовали в особенности в романской Швейцарии, бывшей издавна одной из классических стран развития анархизма. Оппортунистическое же течение, в особенности в германской Швейцарии, было оформлено в ви-

де так называемой грюглианской организации, отличавшейся швейцарским шовинизмом и охотно противопоставлявшей себя презираемым иностранцам и пришлецам, и в политическом отношении представлявшей на редкость совершенный и полный образец мещанской ограниченности, политического соглашательства и преобладания узкого культурничества. Большую роль в оппортунистическом течении швейцарского рабочего движения играли потерявшие почву под ногами пасторы, бросившиеся в якобы социализм. Наиболее видным из этих пасторов был известный цюрихский деятель, специалист по части общественного призрения и в то же время видный культурник-пастор Пфлюгер. Он и стоял у колыбели швейцарского юношеского социалистического движения, которое он пытался создать, как чисто культурническое с ограниченными мещанскими задачами и в то же время мещанскими времяпрепровождениями, увеселениями и экскурсиями, и со скудным политическим содержанием. Созданное им движение, однако, уже через год начало переходить в другие руки, и после первой русской революции в нем возобладали анархисты, полу-анархисты и анархисты-социалисты с блестящим путаником—доктором Брупбахером во главе. Главной организацией швейцарской социалистической молодежи была цюрихская. Она представляла из себя любопытное зрелище. На ее собраниях было, собственно, больше стариков, чем молодых. Съехавшиеся в Швейцарию из разных стран анархисты, старые французы с длинными бородами, не ужившиеся под гнетом родного полу-абсолютизма немцы и австрийцы преобладали над юношами. На собраниях цюрихской организации в это время можно было видеть молодых мальчиков, которые смиренно сидели сзади, мало принимая участия в том, что перед ними происходило, и взрослых, и даже стариков, для которых так называемая юношеская организация была в действительности их собственным дискуссионным клубом. Из этого хаоса швейцарской юношеской организации помог выбраться прекрасный организатор, образцовый оратор, с полной огня речью и классически стройной и округленной фразой, выходец из Германии, молодой Вильгельм Мюнценберг. Под его, иногда крайне властным руководством цюрихская, а затем и другие соседние юношеские организации быстро превратились в настоящие юношеские левые социалистические организации, жившие энергичной и содержательной политической жизнью. Большую роль играл издаваемый в Цюрихе молодежью орган „Свободная Молодежь“. Он сыграл большую роль в деле пробуждения швейцарской ра-

бочей молодежи и ее объединения в юношеские социал-демократические организации. Влияние многочисленных, живших в Швейцарии иностранных революционных элементов не прошло даром, и швейцарская юношеская организация неизменно занимала определенную революционную позицию на левом фланге рабочего швейцарского движения. Последнее представляло в это время крайне причудливо построенный конгломерат разнообразных, составлявших вместе общий союз организаций, в числе которых социал-демократические партийные организации были лишь одним из членов наряду со многими другими как местными, так и иностранными, как политическими так и профессиональными и культурными организациями.

В этом общем конгломерате участвовали и юношеские организации, составлявшие все вместе общешвейцарскую социалистическую организацию молодежи, связанную с социал-демократической партией одновременным вхождением в общий союз всех рабочих организаций. Первый общешвейцарский съезд юношеских организаций состоялся в 1912 г., и на нем решено было вступить в органическую связь с социал-демократической партией. На этом же съезде произошло окончательное размежевание с анархистами, решено было всю работу вести в строго социалистическом духе и было постановлено, что членами Центрального Комитета должны быть исключительно социалисты. Было принято наименование „Социал-демократическая организация молодежи“. После этого начались переговоры с социал-демократической партией об оформлении взаимоотношений. Это было то время, когда сама социал-демократическая партия Швейцарии нашла нужным окончательно оформиться, отделиться в политической деятельности от профессиональных союзов и избавиться от их засилия и от влияния их оппортунизма. Тогда же были сведены счеты со старой организацией Грютли и некогда господствовавшие в Швейцарии оппортунисты-грютлианцы слились с социал-демократической партией, отказавшись от особой политической роли своей организации. Переговоры между партией и юношеской организацией шли не особенно гладко. Требование молодежи, заключавшееся в том, чтобы иметь свою особую область деятельности и в то же время участвовать во всей работе партии в целом, рассматривалось партийными верхами, как стремление господствовать над партией. Временно эта борьба кончилась компромиссом, при чем представителям молодежи были предоставлены права в партийных центрах специально по вопросам, касавшимся движения молодежи. Представители партии были вве-

дены в юношескую организацию, и субсидирование последней партией было оформлено. Особое положение Швейцарии привело к тому, что швейцарское юношеское движение должно было сыграть крупную роль в международном юношеском движении, и во время начавшейся вскоре войны перед ним встали серьезные проблемы в области объединения и оформливания революционных элементов международного юношеского движения и выполнения ими революционных задач в мировом рабочем движении.

В Швеции в это время происходило быстрое численное увеличение социал-демократической молодежи и все большее развитие ее общеполитического значения и ее крупной роли в основных конфликтах, через которое проходило шведское рабочее движение. Постановка пропаганды и агитации, вся организационная жизнь у шведской социал-демократической молодежи были прямо-таки образцовыми. Это был великолепный аппарат с хорошими финансами, с целым штатом хороших агитаторов и литераторов, с несколькими органами и в Стокгольме и в провинции, и с постоянно увеличивавшимся арсеналом агитационных и пропагандистских методов, красными автомобилями, разъезжавшими по стране для устройства собраний, и красными лодками, соединявшими экскурсию с пропагандой. При выборах 1915 г. Геглунд и некоторые другие из лидеров социал-демократической молодежи уже проходят в парламент, так называемый риксдак, и составляют там левую революционную фракцию социал-демократии, остающуюся до сих пор в шведском парламенте носительницей революционного международного рабочего движения. Шведская социал-демократическая молодежь была таким образом первоначальной сплочивающей силой революционной социал-демократической партии, превратившейся, наконец, в настоящее время после раскола в революционную коммунистическую партию. Такою же, хотя и несколько менее яркой была роль социал-демократической молодежи и в Норвегии. И в Дании союз социал-демократической молодежи, самостоятельный в своей внутренней жизни, был левее партии и связан с ее левым крылом.

В Австрии, где политические условия не позволяли социал-демократической молодежи сыграть такую широкую политическую роль, юношеский союз продолжал развивать громадную энергию в прежних областях улучшения положения молодежи и культурно-просветительной работы. Например, по вопросу об организации послешкольного образования он вынес на плечах громадную борьбу, устраивая по всей стране собрания, действуя в

центральной парламенте и провинциальных ландтагах через посредство социал-демократических представителей и развивая широкую кампанию в печати. Постоянную борьбу приходилось ему вести с клерикальными и патриотическими юношескими организациями, которые пользовались всяческой поддержкой со стороны господствующих классов, обильно снабжавших их деньгами и дававших им возможность привлекать молодежь увеселениями и даже кутежами. Несмотря на все затруднения, юношеский союз все больше расширяется, охватывает все новые области в провинции и распространяет свое влияние вглубь широких юношеских масс. Кроме общеавстрийского центра, были созданы провинциальные центры, устраивались провинциальные конгрессы и все больше развивалась энергичная и интенсивная местная жизнь. Общее настроение юношеского союза было определено левым, и из него вышли выдающиеся деятели нового периода австрийского рабочего движения, перед которыми в момент войны встали совершенно новые задачи.

В Италии за эти годы, при окончательно установившемся господстве левого крыла в социалистической партии, крупную роль на крайнем левом фланге итальянского социализма играет юношеская организация, и в особенности выдающееся значение приобретает ее еженедельный орган „Авангард“, оставивший глубокий след в истории развития нового революционного течения в итальянском рабочем движении. Газета „Авангард“ имела громадное влияние не только на молодежь, но вообще на все революционно настроенные элементы итальянского рабочего класса. Она сделалась прямо-таки любимым чтением итальянских революционных пролетариев. Свообразную и очень видную роль сыграл в газете отдел переписки с читателями. В этой переписке разбирались всевозможные теоретические, практические, политические и моральные вопросы с точки зрения научного социализма, и каждый читатель вовлекался в происходившую путем печати дискуссию. Талантливый молодой редактор „Авангарда“ Амалео Катанези по иронии судьбы был одной из первых жертв, убитых на войне, после вступления Италии в мировую бойню.

К моменту начала войны крупная историческая роль юношеских организаций в процессе формирования нового революционного социалистического рабочего движения выяснилась в полной мере. Если в начале столетия Карл Либкнехт в своей книге об антимилитаризме мог писать, что социалистические юношеские организации являются единственным средством борь-

бы с милитаризмом, то к началу войны роль этих организаций неизмеримо возрасла. Они находились в самом центре борьбы новых нарождавшихся революционных элементов международного рабочего движения против всего косного и реакционного в рабочем классе и его организациях, в самом центре процесса формирования новой революционной тактики и нового понимания классовой борьбы.

Х.

После блестящего, но кратковременного, быстро вспыхнувшего и быстро отгоревшего первого расцвета юношеского социалистического движения во Франции на пороге двадцатого столетия, в различных местностях Франции, больше всего в Париже, продолжали теплиться его остатки, и все снова и снова делались попытки его воскрешения. Французские социалистические партии неоднократно и между прочим в самых документах своего соединения в единую социалистическую партию, на словах признавали необходимость существования юношеских организаций. На деле партия, как целое, долгое время не давала этим организациям развиваться. Местные организации, однако, кое-где относились к ним иначе, и в городе Кодри, в департаменте Севера, развилась особенно блестяще функционировавшая юношеская социалистическая секция. В Париже новый период расцвета юношеского движения совпадает с развитием эрвеизма, анархо-синдикализма и других проявлений недовольства старыми формами рабочего движения, оформление которых особенно усиливается с 1905 года. Партийная социалистическая организация Парижа и окрестностей, так называемая Сенская федерация, выделила в это время организацию молодежи в виде особой секции, так называемой 42-ой секции. Этот период развития движения молодежи связывается с личностью блестящего молодого агитатора Ореста Капосси. После его временного отъезда из Парижа, юношеская организация лишилась своей лучшей силы. В то же время конфликты между ней и Сенской федерацией привели к тому, что федерация ее просто-на-просто упразднила. Конфликты эти были связаны с крайне обостренным положением, наступившим в это время в парижском рабочем движении, в связи с борьбой революционных или псевдореволюционных течений, отчасти отражавших действительные революционные настроения, отчасти же представлявших из себя пустомельство и лишённые серьезного содержания громкие фразы против господствовавшего

в партии политиканствующего слоя, разделенного на две фракции—жоресистскую и гедистскую, но в лице обоих успешного тесно переплестись с буржуазным политиканством. Юношеская организация стояла ближе к эрвеизму, особенно отличавшемуся якобы революционными жестами и фразами, и привлекавшему к себе больше всего интеллигентские или полуинтеллигентские элементы—с одной стороны, и полухулиганские—с другой. Тот же авантюризм, те же пустые выкрики и якобы революционные жесты, в сущности ничего не представлявшие серьезного, в роде кампании перерезывания телеграфных проволок, в сильной степени отразились и на парижском юношеском движении этого периода. Конечно, проявлявшееся в нем стихийное недовольство омертвлением и развращенностью господствовавших партийных верхов, имело в действительности гораздо более серьезное историческое значение, но проявлялось оно в данном случае в первобытных формах, представлявших как бы детский лепет стремившегося к пробуждению нового революционного движения.

После закрытия 42-й секции, движение молодежи в Париже, однако, не прекратилось, но продолжало свое существование в отдельных секциях Сенской федерации, где имелись более отзывчивые товарищи, дававшие ему возможность существовать. Именно это время характеризуется громадным развитием буржуазных, в частности, реакционных юношеских организаций. Буржуазия увидела колоссальное значение, которое представляет юношеское движение, и решила взять его в руки, чтобы согласно собственному желанию формировать молодое рабочее поколение. Это было время быстрого роста крайней реакции в буржуазном мире Франции, нового расцвета клерикализма, милитаризма, громадного и быстрого роста империализма, военной идеологии и завоевательных вожделений. Монархисты в это время проявляют усиленную деятельность и создают особые организации молодых буржуазных скандалистов, так называемых „камлотов короля“, т. е. королевских разносчиков или королевских торговцев в разнос. Камлоты короля устраивали шумные демонстрации на улицах, пачкали статуи республиканских деятелей и т. под. Несравненно более серьезной и опасной была организация якобы прогрессивных, рабочелюбивых, заботившихся якобы о примирении религии с нуждами широких масс молодых католических деятелей, создавших организацию, называемую „борозда посева“, или „сильон“. Вдохновителем „сильонцев“ был католический фанатик, в то же время мечтавший о социальном мире и об удовлетворении нужд народных масс, Марк Сангнье. „Сильон“ имел

в Париже и в провинции массу разветвлений, умел подходить к действительной рабочей молодежи, привлекать ее на собрания, доставлять ей приятное и интересное препровождение времени и увеселения, и в то же время серьезную умственную пищу, доклады, дискуссии и т. под. Эти тонкие иезуиты действовали в высшей степени ловко и осторожно и настолько умело скрывали свое действительное лицо, что молодые рабочие, попадавшие на их собрания и затем привлеченные в их организации, сначала просто не замечали, куда их завлекали. Они приходили на серьезные собрания, где по самым разнообразным политическим и общественным вопросам присутствующие высказывались совершенно свободным и непринужденным образом. Они даже не замечали, что за сценой действовала опытная и тонко играющая ими рука клерикального руководителя, умевшего незаметно создавать вокруг них атмосферу, постепенно вовлекавшую их в желаемое для клерикалов настроение и внушавшую им шаг за шагом клерикальное мирозерцание. Этой организации впрочем сильно повредил сам папа Пий X-й, крайне ограниченный фанатик, совершенно не понимавший своего времени и глупейшим образом расстраивавший тонкие хитросплетения искусных деятелей нового католического движения. Он нашел „Сильон“ недостаточно ортодоксальным и осудил его тактику. Одновременно развиваются и просто буржуазно-патриотические движения и организации в роде обществ допризывной военной подготовки, обществ стрельбы, бойскаутов (эклереров) и т. д. Все это начало, наконец, внушать серьезную тревогу даже шаблонно-мыслящим омертвелым верхам социалистической партии, и в то же время подтолкнуло живые творческие элементы, революционно настроенные в самой парижской молодежи к тому, чтобы снова приняться более энергично и решительно за социалистическое организационное строительство в рядах рабочей молодежи. Существовавшие еще при некоторых отдельных партийных секциях остатки юношеских организаций снова усиливаются, развиваются, в других же местах самочинно, иногда вне воздействия партии, иногда совершенно оторванно от каких то ни было организационных влияний и без всякой поддержки возникают юношеские группы. Особенно усиливается это движение около 1910-го года

Эрвеистские элементы, сильно влиявшие на социалистическую молодежь в период 42-й секции Сенской федерации, в это время находились еще в полном расцвете. Сам Гюстав Эрве до своего заключения в тюрьму, поведшего к его переходу от революционной фразы к крайнему оппортунизму и соглашательству, усердно

занимался развитием юношеского движения, посвященного самым поверхностным революционным авантюрам. Теория Гюстава Эрве в это время заключалась в том, что маленький интеллигентский авангард должен вовлечь рабочий класс в революционное движение, при чем это вовлечение должно произойти путем так называемой революционной гимнастики, т. е. развязывания уличных столкновений и эксцессов, путем отказа от военной службы и путем устройства неприличных скандалов на избирательных собраниях. Группировавшиеся в это время вокруг Эрве полунинтеллигентские и полухулиганские элементы действительно в изобилии предавались якобы революционным внешним актам, и чуть не главной своей целью ставили драки с полицией и в особенности постоянные драки со скандалистами противоположного лагеря—камлотами короля. Некоторые из примыкавших к этой так называемой „молодой гвардии“ Гюстава Эрве элементов стояли одной ногой, а подчас и обоими ногами просто в уголовном мире, и некоторые из них кончили несколько лет спустя в виде простых бандитов, после ограбления почтовых касс или банковских отделений, на скамье подсудимых уголовного суда. Ближайший помощник Гюстава Эрве—Виго, иначе Мигель Альмерейда, позднее связавшийся с буржуазными радикалами и таинственно умерший в тюрьме во время процесса обвинявшихся в связях с Германией буржуазных радикалов во время войны,— в период эрвеистских молодых гвардий поставил своей специальной задачей создание революционной контр-разведки. Ему действительно удалось обнаружить в революционных рядах несколько крупных провокаторов, но самые методы контр-разведки приводили его в такие темные закоулки закулисных махинаций, которые с действительно пролетарским движением не имели ничего общего. Эрвеистские „молодые гвардии“ стояли в стороне от действительного социалистического юношеского движения, так называемой „социалистической молодежи“, хотя надо признаться, что методы и настроения „социалистической молодежи“ в это время находились под довольно сильным эрвеистским влиянием. В партийном ресторане, на улице Бретани, близ площади Республики, куда ходили обедать многие наше русские социал-демократические эмигранты, нам постоянно приходилось встречаться и дискутировать с „социалистической молодежью“, и мы пытались бороться с ее авантюристскими склонностями и поверхностными якобы революционными взглядами, сводившимися, главным образом, к вспышкопускательству.

Однако, среди „социалистической молодежи“ происходит,

начиная с 1910-го года, все более серьезная работа как со стороны отдельных ее членов, явившихся представителями нового более серьезного течения, так и со стороны молодых деятелей социалистического движения, понимавших громадное значение организации молодежи и необходимость ее развития и вложения в нее более глубокого содержания. Так, напр., при 12-й секции Сенской федерации в округе, населенном в большом количестве железнодорожниками, несколько молодых членов партийной секции усиленно занимались организацией молодежи и создали действительно серьезную группу.

Начинают параллельно оформляться две юношеских организации: социалистическая, так называемая „социалистическая молодежь“, и анархо-синдикалистская, так называемая „синдикалистская молодежь“. Они развились совершенно отчужденно одна от другой, без всякого контакта друг с другом, но самое их развитие представляет во многом сходство между собой.

1910-й, 1911-й и 1912-й годы были временем долгих и томительных переговоров с партийными верхами, закончившихся окончательным созданием и официальным признанием организации „социалистической молодежи“ Франции, как входящего в партию под ее контролем, но с известной самостоятельностью организационного целого. Оба господствовавших во французской социалистической партии течения, жоресистское и гедистское, были в сущности, по крайней мере в лице своих верхов, противниками развития самостоятельного юношеского движения. Но в то же время и та и другая фракция с ним заигрывали, опасаясь, что оно станет орудием в руках соперничающей фракции, если его оттолкнуть. Таким образом обе фракции с ним заигрывали и обе фракции в сущности хотели помешать его развитию. В обоих фракциях в то же время имелись действительно отзывчивые товарищи, понимавшие значение юношеского движения и всеми силами ему помогавшие, и также имелись ловкие карьеристы, стремившиеся на нем выдвинуться и создать себе положение. В тот период, когда вопрос о создании юношеской организации принял осязательные официальные формы, им специально занялись два видных партийных деятеля. Со стороны жоресистов специалистом по этой части выступил блестящий карьерист, крайний оппортунист (позднее видный шовинист) Гастон Леви. Наблюдая его деятельность за это время, нельзя было не прийти к заключению, что он в сущности стремится создать пьедестал для своей партийной карьеры и что именно поэтому он усердно хлопочет о создании юношеской организа-

ции, надеясь выдвинуться на ее плечах, и в то же время на словах выражая сочувствие принципу ее самостоятельности, на деле ведет двойную игру, стараясь в подходящий момент подставить ногу этой самостоятельности, чтобы удовлетворить желаниям закулисных вершителей партийных судеб, но сделать это так, чтобы партия не выступала в некрасивой роли деспота и угнетателя. Эту тонкую политику Гастон Леви проводил очень хитро и искусно, и мне лично приходилось с ним много сталкиваться и пытаться выводить его на свежую воду. Со стороны гедистов юношеским движением специально занимался один из лучших агитаторов фракции, отзывчивый, но ограниченный Марсель Кашен, который ни в каких махинациях в целях урезывания юношеского движения виновен не был, но которого очень легко было искусным интриганам надуть и обезвредить. Я вынес самое лучшее впечатление от отзывчивости его личности, наблюдая его работу в этой области в момент формирования юношеского движения, но в решительные моменты борьбы большой помощи от него не было. Во фракции гедистов более могущественные деятели, закулисные вершители ее судеб, были против самостоятельной организации молодежи и против предоставления ей прав в партии, и в конце концов оказывалось, что фракция гедистов еще больше, чем жоресисты, ставит преграды стремлениям молодежи. Один из влиятельнейших лейтенантов Жюля Геда, сам Бракк, был противником стремлений молодежи. Группа фракционных дипломатов, за кулисами руководившая всей политикой фракции, считалась между прочим с требованиями своей главной опоры во Франции, вожаков сильнейшей партийной организации департамента Севера, которые по соображению своей местной политики не хотели и слышать о самостоятельном юношеском движении. Оттуда производился во время нажим, и парижские гедисты незаметно ставили препятствия удовлетворению стремлений молодежи. Со стороны жоресистов было несколько отзывчивых молодых товарищей, в роде Дормуа, искренно старавшихся помочь развитию юношеского движения, несмотря на темные махинации фракционных вождей, стремившихся не допустить развития самостоятельного юношеского движения. В этот период тяжелой борьбы мы были многим обязаны отзывчивым товарищам из обеих фракций, как Кашен и Дормуа.

Среди самой молодежи в это время выделяется группа талантливых и энергичных юношей, вынесших на себе всю тяжесть первых шагов борющейся за свое признание юношеской орга-

низации. Следует в особенности указать на происходившего из эмигрантской среды, но совершенно офранцузившегося молодого товарища Страго, серьезного и энергичного юношу, проделавшего громадную работу и внесшего самую тяжелую борьбу по созданию официально признанной социалистической юношеской организации Франции. Он все время боролся с отрицательными чертами также и в самом юношеском движении, придавая ему больше серьезности и содержательности и отвлекая его от поверхностных авантюристских увлечений. Вместе с ним много поработал в это время Катюль Камбье, сын известного партийного деятеля Ахилла Камбье, вышедшего, к сожалению, из партии в 1912-м году вследствие личных дрызг.

Отрицательной стороной развивавшейся в Париже юношеской организации было значительное количество в ней интеллигентских и полуинтеллигентских элементов. Точно так же, как французские партийные организации, являясь удобным пьедесталом для личных карьер и обделывания всевозможных делишек, были постоянной ареной личных интриг, дрызг и грязных историй, также не могла без этого обойтись и развившаяся в это время юношеская организация. Происходила борьба из-за должностей: мечтавшие о своей будущей карьере юноши старались уже закладывать для нее основание. Вокруг вожаков группировались приверженцы, и происходившие между ними дрызги отравляли атмосферу. Тем не менее юношеское движение было настолько жизненно и настолько глубоко коренилось в действительных потребностях рабочей молодежи, что оно продолжало победоносно развиваться, преодолевая эти болезни и отрицательные стороны.

XI.

Рабочая молодежь в Париже настолько привыкла к увеселениям, там имеется столько клерикальных, патриотических и всяких вообще буржуазных организаций, привлекающих ее в свои ряды и предоставляющих ей первосортные увеселения, приятное времяпрепровождение или же хорошего качества умственную пищу, что рабочую молодежь не так легко было завлечь в юношеские социалистические секции с их скудными средствами, с отсутствием у них возможности предоставлять своим членам хорошие локалы и блестящие увеселения, и с незначительным количеством партийных ораторов, готовых спуститься до них и потратить время на чтение у них лекций или устройство у них дис-

руссий. Случалось, что юношеские организации быстро вербовали большое количество членов, но после некоторого времени они, разочарованные, не найдя в ней того, чего ожидали, или что было им обещано, просто разбегались и исчезали. В особенности сильной была юношеская секция 12-го округа, где, однако, качество далеко не соответствовало количеству. В эту секцию молодежь была привлечена прекрасно поставленной спортивной организацией, в которой участвовало несколько видных спортсменов, являвшихся образцовыми руководителями для молодых подражателей, и молодежь валила в эту организацию отчасти для того, чтобы тренироваться за той или другой спортивной знаменитостью, входившей в юношескую социалистическую организацию. Значительная часть членов интересовалась больше всего спортом и мало принимала участия в политической жизни организации. Те, которые надеялись путем спорта завлечь молодежь в организацию с тем, чтобы потом развить ее в социалистическом духе, глубоко ошиблись и достигли только понижения уровня всей организации.

Несмотря на все, при всех громадных трудностях, при явном и скрытом противодействии официальных партийных кругов, при избалованности широких кругов рабочей молодежи избытком столичных увеселений, тем не менее юношеская организация не умирала, а медленно, но верно развивалась. Повсюду, во всех секциях имелось некоторое количество беззаветно преданных энтузиастов, которые составляли твердое ядро, благодаря которому организация неизменно шла вперед. Мне лично известно довольно много этих молодых энтузиастов из рабочей среды, со всей пламенностью живой и отзывчивой французской натуры, с живостью парижского ума, с ярким революционным настроением, с типично парижскими революционными традициями, с воспоминаниями о коммуне, о борьбе на баррикадах с оружием в руках, мечтавших о будущей такой же борьбе, когда и им придется с оружием в руках воевать против капиталистического мира.

Переговоры с партийными верхами после долгого времени и целого ряда перипетий привели к компромиссу. Мои друзья из юношеского движения, с которыми я за все это время был в тесном контакте, ставили себе две цели: в собственной области деятельности, т.е. в работе среди молодежи, юношеская организация должна быть самоуправляющейся и автономной под контролем партии; в общей политической жизни партии в ее целом члены юношеской организации должны участвовать со всеми правами наравне со взрослыми членами партии. Партийные верхи.

соглашаясь создать отдельную юношескую организацию, стремились или путем усиления непосредственного контроля, или путем финансового давления, по возможности, урезать и сократить ее самостоятельность. В то же время, создавая отдельную юношескую организацию, хотели лишить ее членов каких-либо прав внутри партии, и таким образом избавиться в партийных организациях от элемента, способного помешать комбинациям местных политиканов и партийных вожаков. Громадный рост буржуазных юношеских организаций был, однако, настолько тревожным признаком, что мы постоянно оперировали этой действительно серьезной угрозой, чтобы заставить партийные верхи отказаться от своего отрицательного отношения к стремлениям молодежи. Мы указывали партийным политиканам, что социалистическим юношеским организациям совершенно невозможно бороться с буржуазными организациями, обладающими громадными средствами, на почве увеселений и принятого препровождения времени. Бороться мы можем исключительно своей политической работой, апеллируя к юношескому энтузиазму и к серьезным революционным стремлениям рабочей молодежи. А сделать это мы можем только тем, что дадим ей участвовать во всей политической жизни партии и не оставим ее за порогом. Мы говорили: если мы отгородим молодежь в отдельных юношеских секциях, мы сможем дать ей так мало, что она туда не пойдет, и она станет жертвой „сильона“ или обществ допризывной военной подготовки. Только в том случае рабочая молодежь к нам пойдет, если мы откроем ей настежь двери действительной политической жизни, т.-е. политической жизни партии в ее целом. Но в то же время она пойдет к нам только в том случае, если у нее будет своя собственная организация, где в своей области она будет жить своей собственной жизнью. Ей нужны особые юношеские секции для ее собственной юношеской работы, и в то же время ее членам нужно дать равноправие в партийных организациях.

Мы достигли цели лишь наполовину. Прежде всего встал вопрос о предельном возрасте для вступления в организацию. До создания юношеских организаций этот вопрос во французской социалистической партии не вставал, и предельного возраста в ней не было. Новые члены принимались на основании рекомендаций путем голосования партийной секции, и последней предоставлялось принимать также и молодых членов по своему усмотрению. Но когда возникла юношеская организация и ее члены пожелали воспользоваться правами партийных членов, партий-

мы верла поставили вопрос о нижнем предельном возрасте. Мы доказывали, что предельный возраст в сущности излишен. Надо обставить гарантиями самое вступление в организацию — это другой вопрос. Но если для вступления в организацию гарантия есть, то тем самым остановится излишним нижний предельный возраст. Раз организация считает нового члена подходящим, можно на нее положиться, что новый член достаточно развит для принятия в ней участия. Принятие очень молодых членов в партийную организацию не должно нас пугать. В Австрии предельный возраст — 14 лет; местные группы австрийского союза молодежи хотя официально рассматриваются, как организации профессиональных союзов, но в действительности во многих местах Австрии пользуются всеми правами членства социал-демократической партии. В бельгийских организациях „молодых гвардий“ предельные возрасты устанавливались различно в разных местных организациях и колебались от 13 до 15 лет. „Молодые гвардии“ входили, как равноправные организации на-ряду с другими в бельгийскую рабочую партию, где их делегаты присутствовали на партийных конгрессах, и в центральный комитет всегда избирался кто-либо от „молодых гвардий“. В Швеции и Норвегии социал-демократические юношеские клубы принимали неограниченное участие в партийной жизни, и молодой возраст их членов этому не препятствовали: в германских подпольных юношеских организациях, существовавших вопреки полицейским и партийным преследованиям, или же в юношеских организациях таких мест, как Штутгарт, где они не были задушены, мне самому приходилось присутствовать при дискуссиях, в которых 14-тилетние юноши участвовали наравне с более старшими товарищами и оказывались совершенно на высоте своей задачи. Наши противники из французских официальных партийных кругов предлагали нам установить один предельный возраст для юношеской организации, другой предельный возраст для партийной организации. Это повело бы к тому, что в самой юношеской организации были бы члены первого сорта и второго сорта. Гедист Манье, представитель партийного центра, при переговорах с нами предлагал, чтобы предельный возраст для вступления в партийную организацию установлен был в 18 лет. Ниже 18 лет юноши участвовали бы только в юношеской организации, а с 18 лет могли бы вступать одновременно и в партийную организацию. Это предложение было совершенно неприемлемо. Оно было, несомненно, более реакционным, чем существовавшая в целом ряде местных секций практика. Например, в нашей 14-й

секция молодежь ниже 18 лет уже входила в партийную организацию и без всякого ограничения участвовала в дискуссиях и голосованиях. Всех этих молодых людей пришлось бы выбросить вон. Как это отразилось бы на ее настроении и на настроении широких кругов связанной с этими молодыми людьми рабочей молодежи? В результате многочисленные ценные элементы просто ушли бы от нас и перешли бы или к клерикалам, или к анархистам. Не допускать в партийную организацию молодежь ниже 18 лет, это значит просто убить юношеские организации, потому что в них на этих условиях серьезная молодежь не пойдет, а после 18 лет молодежь уже по большей части теряет интерес к своей отдельной юношеской организации и просто наравне с другими членами живет жизнью партийной организации. Статистика австрийского юношеского союза показывает, что как раз самые молодые возрасты дают наибольший процент посещаемости юношеских организаций. Когда юноша становится старше, потребность в юношеской организации для него уменьшается, и он просто переходит в партийную организацию. Таким образом ограничение доступа в партийную организацию 18-тилетним возрастом означало бы фактически уничтожение юношеских организаций и отдало бы всю молодежь на растерзание клерикалам и другим нашим соперникам. Мы указывали, что лучше всего не устанавливать никакого предельного возраста, если же во что бы то ни стало решат таковой установить, то лучше всего было бы установить 13-тилетний или в крайнем случае 14-тилетний. Обязательное посещение школы кончается во Франции в 13 лет. Иногда посещение школы продолжается до 14-ти лет. Необходимо, чтобы между школой и моментом вступления в юношескую организацию не было перерыва. Такой перерыв наиболее опасен, потому что как раз в это время юноша может увлечься всякими соблазнительными и развращающими сторонами столичной жизни или же приманками наших соперников.

После нескольких противоположных постановлений, наконец, в 1912 году переговоры кончились компромиссом: для вступления как в юношескую организацию, так и в партийную организацию был установлен нижний предельный возраст в 16 лет. Это постановление казалось как будто крайне вредным, но в действительности оно было не так страшно. Дело в том, что принятие в организацию зависело от местных групп и все были уверены заранее в том, что местные группы не будут строго относиться к вопросу о возрасте и не будут спрашивать у кандидата в организацию его метрическое свидетельство. Нам было

важно установить самый принцип совпадения момента вступления в юношескую организацию с моментом вступления в партийную организацию. И это нами было достигнуто. Действительно, насколько мне известно, и после принятия этого постановления местные организации принимали и более молодых членов, так что слишком высокий предельный возраст не принес большого вреда. Сама жизнь заставила местные организации смотреть сквозь пальцы на молодой возраст вступающих членов. Остался ли до сих пор в силе этот предельный возраст — мне неизвестно.

Если каждый член юношеской организации тем самым является членом партийной организации, то возникает вопрос, как должен совершаться его прием в число членов. Если новых членов принимает партийная организация, то юношеская организация лишается контроля над своим составом и попадает в униженное положение искусственно подобранной другими группы членов. На практике такой порядок мог вести к тому, что партийная секция с большинством, принадлежащим к той или другой из господствующих фракций, искусственно могла бы подбирать состав юношеской организации для усиления в ней течения своего большинства. Если новых членов принимает сама юношеская организация, то в результате партийная организация была бы принуждена принимать в свой состав новых членов, принятых не ею и без ее контроля. Предлагалось между прочим разделить оба акта с тем, чтобы партийная организация могла отказать в приеме в свой состав какому-либо из членов юношеской организации. Такое предложение было совершенно неприемлемо, так как вело бы к тому, что партийная секция присматривалась бы к организации молодежи, производила бы в ней подбор и принимала бы в свой состав только удобных ей членов, что открыло бы самый широкий простор фракционным злоупотреблениям. Члены юношеской организации, надеясь попасть в число полноправных членов партийной секции, усиленно подслуживались бы перед ней, т.-е. перед имеющей в ней большинство фракцией, чтобы добиться чести быть принятыми в ее состав. Обе господствующие фракции французской социалистической партии достаточно знали друг друга и свои приемы фракционной борьбы и взаимного подсиживания, чтобы сразу отвергнуть такое предложение, как бы нарочно приноровленное для развития интриганства и дрызг. Кончилось тем, что юношеской организации предоставлено было право приема членов в свой состав, а партийной секции — право утверждения новых членов.

На собрании партийной секции представители группы молодежи докладывали о принятых новых членах, которые только после утверждения партийной секцией считались принятыми в юношескую группу и тем самым в партийную секцию.

Одним из самых больных был вопрос о финансах, так как именно путем финансового давления легко было свести на-нет самостоятельность юношеской организации. Было совершенно ясно, что, например, издание органа никоим образом не могло происходить исключительно на средства самой молодежи. Организации французской социалистической молодежи были еще слишком малочисленны, чтобы сколько-нибудь надеяться на возможность в близком будущем собственными средствами финансировать свой печатный орган. Из партийных кругов заявлялось требование, чтобы каждая копейка, данная партией, расходовалась исключительно представителями партии, или по их указаниям. В результате получилось бы то, что, например, орган молодежи лишь номинально был бы ее органом, а в действительности издавался бы партией для молодежи, т.-е. получилось бы то невыносимое положение, которое существовало в Германии, вызывая ненависть и негодование со стороны революционно настроенной молодежи. В конце концов вопрос о расходовании выдаваемых партией субсидий был связан с вопросом о контроле над юношеской организацией вообще, т.-е. о введении в состав ее центрального учреждения представителей партийного центра. Смета юношеской организации, и, в частности, смета по изданию органа, должна была представляться на утверждение партийному казначею, и после ее утверждения партия соглашалась выдавать необходимые субсидии. Благодаря этому орган юношеской организации, „Социалистическую Молодежь“ удалось поставить вполне удовлетворительным образом. Вышедшие в 1913 и 1914 годах номера были проредактированы самой молодежью, состояли, главным образом, из ее собственных статей; были составлены интересно и содержательно и сыграли серьезную агитационную роль в широких кругах рабочей молодежи.

Часть расходов юношеской организации, в особенности ее административных расходов, должна была покрываться ее собственными членскими взносами, хотя при малочисленности организации получаемые таким образом суммы были очень скудны. Некоторыми из нас выдвигалась мысль о том, что молодежь надо было совсем избавить от каких бы то ни было членских взносов. Ремесленные ученики или молодые фабричные рабочие в стадии ученичества, еще не получающие заработной платы и

целиком живущие на содержании родителей, были не в состоянии вообще уплачивать членские взносы. Мне лично известны были многочисленные примеры молодых людей, горевших желанием вступить в юношескую организацию и лишенных возможности это сделать вследствие отсутствия денег для уплаты членских взносов. Выдвигалась мысль, что юношеская организация имеет целью создать будущую армию социалистических борцов, имеет целью разрыхлить почву широких рабочих масс и своевременно посеять в ней семя социализма, и что поэтому привлечение в нее членов должно исключительно определяться соображениями успешности роста организаций, а отнюдь не финансовыми соображениями, и не должно быть в зависимости от платежной способности молодых людей. Каждый должен платить по мере возможности, но должен быть удовлетворен по мере потребности, а так как известные элементы молодежи платить не могли, а удовлетворения от юношеской организации требовали, то надо было им предоставить членство без необходимости уплаты взноса. Вся эта аргументация была, однако, совершенно безрезультатной, так как партийные организации ни в коем случае не соглашались допустить принцип членства без взносов. Гастон Леви доказывал, что всякие права предполагают обязанности, что обязанность участия в несении расходов должна быть распространяема на каждого, что надо именно приучать молодежь с юных дней к тому, чтобы видеть в несении обязанностей необходимый принцип. Он прибавлял, что никогда товарищи на местах, в особенности в провинции, не поймут, чтобы можно было допускать членов без уплаты ими взносов, и что введение в наш проект такого принципа сделает совершенно невозможным проведение нашего плана создания самостоятельной или полусамостоятельной юношеской организации. И так уже будет трудно провести то, чего мы добиваемся, если же вставить пункт об отсутствии членских взносов, это значит уже наверное подвергнуть всю нашу работу неминуемому краху. Но, с другой стороны, совершенно невозможно было требовать от членов юношеской организации уплаты всего партийного членского взноса наравне с взрослыми товарищами и кроме того уплаты специального взноса в юношескую организацию. В результате молодые люди принуждены были бы платить больше, чем взрослые члены партии, и взносы требовались бы от них такие, которые дали бы возможность лишь сыновьям зажиточных семейств вступать в юношескую организацию. Кончилось тем, что было решено ввести для юношей особую членскую карточку с особым

штемпелем, что давало возможность уменьшить причитающийся с юношей партийный членский взнос. Последний составляется во Франции из нескольких составных частей: взнос в местную секцию, взнос в федерацию департамента, взнос в центральную кассу, избирательный взнос и т. д. Путем уменьшения или даже полной отмены тех или других частей членского взноса сделали возможным для молодежи уплачивать также и взнос собственной организации, не отягощая молодых членов чрезмерно.

Самостоятельность юношеской организации была ограничена контролем партии, выразившимся в том, что в центральном учреждении или в исполнительном комитете „Социалистической Молодежи Франции“ наряду с пятью молодыми членами, выбранными конгрессом юношеских социалистических организаций, участвовали два представителя Центрального Комитета партии (так называемой постоянной административной комиссии.) Партийная организация имела право контроля и над литературой, выпускаемой юношескими организациями, даже над издаваемыми ею листками. Это считалось необходимым для того, чтобы какая-либо юношеская организация не ударилась в анархистский, авантюристский или даже бандитский уклон, столь процветавший в период эрвеистских молодых гвардий и выразившийся в 1912 году в виде совершавшихся под якобы анархистским знаменем „идейных“ бандитских актов. Много споров произошло вокруг вопроса о том, должен ли быть генеральный секретарь Социалистической Молодежи Франции непременно юношей, или таковым мог быть взрослый. Последнего усиленно добивался Гастон Леви, очевидно, стремившийся быть таким генеральным секретарем, но в конце концов пост генерального секретаря был предоставлен избраннику социалистической молодежи.

Поскольку я мог наблюдать вновь создавшуюся организацию в 1913 году до моего отъезда из Парижа, она, несмотря на свою малочисленность, развила очень энергичную агитационную деятельность, произведшую широкое впечатление в массах рабочей молодежи. Кроме издания органа, Социалистическая Молодежь издавала многочисленные листки и листовки для распространения на улицах. Особенно энергичную деятельность она развивала в момент рекрутского набора, когда путем устройства собраний, распространения листовок и личных бесед с рекрутами она пыталась развивать в них классовое сознание и открывать им глаза на роль милитаризма. Товарищ Страго очень много старался о том, чтобы усилить в юношеских группах серьезную работу по саморазвитию, в особенности в области научного со-

циализма, создать при них серьезные библиотеки и вообще развить их деятельность в направлении научной социалистической подготовки. Ему мешало то, что трудно было находить лекторов. Заваленные массой собраний, взрослые агитаторы не уделяли научной работе среди молодежи того времени, которое требовалось для ее правильной постановки. Сама французская молодежь по своему характеру больше склонна к шумным манифестациям, к непосредственной борьбе, к прямым действиям, чем к кабинетной научной работе. Больше всего увлекало членов юношеской организации, когда предстояла какая-нибудь большая манифестация, на которой ожидалась схватка с полицией, или драка с монархистами. Итти подраться на улице с полицейскими или монархистами—это больше всего нравилось живому темпераменту французской рабочей молодежи. В общем, взрослые товарищи, в громадном большинстве своем, совершенно не понимали действительного значения и великой исторической роли движения молодежи, и часто смотрели на нее, только как на удобное орудие для технической работы, в особенности, в момент выборов. Когда, например, надо было увеличить сбыт „Юманите“ или когда последняя начинала печатание нового интересного романа, и номера с первой главой надо было широко распродавать на улицах, в таких случаях всегда вспоминали о юношеской организации и мобилизовали всех ее членов для такой чисто технической работы.

Окончательно сформированный в 1913 году, когда состоялся первый юношеский социалистический конгресс в Бресте, центр французской социалистической молодежи усиленно занялся отысканием юношеских организаций во всей Франции. Таковых было гораздо больше, чем об этом первоначально знали в Париже. Во многих местах они возникали самочинно, иногда в связи, иногда без связи с партийной организацией. Такие более или менее сформированные юношеские организации удалось разыскать в десятках мест, при чем в 1914 году оказалось, что все еще существуют местные юношеские организации, не давшие о себе знать в Париж и существовавшие чисто кустарным, местным образом. Иногда их существование было связано с присутствием тех или других энергичных товарищей из числа молодых или из числа отзывчивых взрослых партийных деятелей, понимавших роль движения молодежи.

Партийные верхи были вынуждены согласиться на компромисс и допустить существование полусамостоятельной юношеской организации, но в действительности они продолжали относиться глубоко враждебно к этой новой силе, пробившей брешь в прежнем безраздельном господстве партийного политиканства со все-

ми его разветвлениями. Было слишком очевидно, что новая организация откроет дорогу новым силам, ищущим новых путей и готовящимся к борьбе против мертвящего господства бюрократизма, политиканства и партийного шаблона. Надо было создать для социалистической молодежи конкуренцию, и партия создала такую конкуренцию в лице спортивной и атлетической федерации. Рабочая молодежь чрезвычайно увлекалась спортом, и одним из лучших способов ее привлечения была организация хороших спортивных групп с выдающимися спортсменами, за которыми юноши могли тренироваться. Спортивные группы социалистической молодежи по необходимости были лишь чрезвычайно скромными. Как раз в 1913—1914 годах партия усиленно занялась развитием прекрасно поставленной спортивной и атлетической федерации, отношение которой к социализму было часто довольно сомнительным. Лучший партийный специалист по части спорта, Клейнгофф, руководивший в „Юманите“ отделом спорта, целиком посвятил себя деятельности в этой федерации. В 1913 и 1914 годах происходит работа по очищению этой федерации от враждебных социализму элементов и по размежеванию с враждебными спортивными организациями. В 1914 году, перед самой войной, мне сообщали из Парижа, что в руководящих кругах социалистической молодежи уже ожидали того, что партия всю свою поддержку перенесет на спортивную федерацию и постарается о том, чтобы социалистическая молодежь в результате этого захирела. Мне сообщали, что против социалистической молодежи работают крайне влиятельные силы и что ожидаются новые интриги со стороны партийных верхов для подрезания возможности ее существования. В момент начала войны это были, однако, пока только толки и опасения.

В центре существование полусамостоятельной юношеской организации, пользующейся правом членства в партии, было таким образом признано и санкционировано. Во многих местах провинции сообразно с этим действовали местные партийные организации. Но так было не везде, и не так было в самой сильной из партийных организаций—в могущественной гедистской федерации Севера.

XII.

Нет большей противоположности, чем между Парижем и промышленным севером Франции. Живой, полный остроумия парижский рабочий, блестящий говорун, тесно связанный с тради-

ционными столичным мелким производством и с революционными традициями многочисленной парижской мелкой буржуазии, живущий в перемежку с элементами хулиганскими, интеллигентскими, полуинтеллигентскими, всевозможными авантюристами и бесчисленными богемами кипящего вулкана Парижа, а с другой стороны, однообразные крупные промышленные северные города Франции, населенные почти сплошь единой сплоченной массой промышленного пролетариата, как бы целой рабочей армией, живущей в постоянном лагере, и среди этих городов—возвышающиеся кирпичные стены замков нового времени, т.-е. больших заводов с волнующимся в них и вокруг них пролетарским океаном. Крупная промышленность имеется и в восточных окраинах Франции и в ее северо-восточном углу, в районах каменноугольных копей и тяжелой металлической индустрии, но там рабочее население в значительной степени пришлое, представляет из себя разношерстный международный сброд, являющийся на короткое время и вечно меняющийся, текучий элемент. Не то в области французского текстильного производства, где живет исконное фламандское население, солидное, привыкшее к своим родным местам и к своему традиционному народному быту. Города Лиль, Рубэ, Туркуэн, Ватрелос, Армантьер и т. д. составляют почти сплошь один непрерывный текстильный город с громадным рабочим населением. В однообразных домах, лишенных всякой внешней прелести, в скучных и печальных улицах, в грязных и мрачных старых жилищах, среди пропитанных сыростью и миазмами, потрескавшихся стен с узкими кривыми, полуразвалившимися деревянными лестницами, в зловонной атмосфере, среди всех признаков многочисленных, следовавших друг за другом поколений безнадежной, безысходной нищеты, живет текстильное население этих мест, с громадным процентом туберкулеза и господством алкоголизма, когда-то, много поколений назад, представлявшее из себя крепкое и цветущее, краснощекое фламандское крестьянское племя, а теперь, после столетий нескончаемого труда в тяжелом воздухе, проникнутом пылью и губительными для здоровья частицами, в комнатах или слишком холодных или слишком жарких с вредными парами и зловонными испарениями, после многочисленных поколений вечного недоедания и безысходной нужды превратившееся в болезненных и хилых людей с громадным процентом смертности и мрачным, неприветливым бытом. Нигде во Франции контраст громадного богатства имущих и безысходных страданий трудящихся так не бросается в глаза, так поразительно не выступает, так не давит все живущее, как в этих мрач-

ных местах. В этой именно классической местности социального гнета зародились мотивы всем нам известного гимна Интернационала. Под влиянием департамента Севера писал Потье стихи Интернационала, автор же его музыки—Дэгейтэр при мне еще жил и работал в одном из предместий Лилля.

Сорок лет тому назад здесь впервые пашел отклик в массах гэдизм, французская разновидность марксизма, и в то время его передовые борцы были действительными авангардными деятелями революционного пролетарского движения и учения. И до сих пор последовательные пролетарские революционные лозунги находят отклик у рабочих масс этого передового промышленного района и остаются дорогими их сердцу. Но обстановка долговременной политической неподвижности, просачивающиеся тысячами каналов развращающие влияния буржуазного строя повели к тому, что организованное пролетарское движение этой местности сгнило на корню, при якобы революционной видимости, прикрывающей совершенно развращенное содержание. Вышедшие из рядов местного рабочего класса вожди, в свое время сумевшие создать могущественные рабочие организации, превратились с течением времени в слой корыстных дельцов, тесно сплоченный, с величайшей ненавистью встречающий всякое новшество и своим тяжелым гнетом умерщвляющий все живое в местном движении. От периода первого революционного творчества осталась революционная фраза, лицемерно звучащая в устах развращенных дельцов и прикрывающая самое оппортунистическое, самое мещанское, предательское политическое содержание. От первого периода революционной работы осталось представление о необходимости сильного революционного штаба, но последний превратился с течением времени в мертвящую диктатуру корыстных дельцов, обративших пролетарский революционный аппарат в бюрократическую машину и в орудие личных выгод господствующего лидерского слоя и систематически душащих все новое, свежее и живое. В свое время всякий выдвигающийся из рабочей среды энергичный деятель пролетарского движения неизменно подвергался преследованиям и был выбрасываем на улицу, так что вслед затем для него не оставалось ничего другого, как сделаться сидельцем какой-либо пивной. В результате, почти всякий выдающийся рабочий деятель этой местности даже до сих пор остается сидельцем пивной. В департаменте Севера население пьет чрезвычайно много пива, и пивоваренные заводы отдают за определенный процент прибыли пивные какому-либо арендатору, на обязанности которого лежит привлечение посетителей.

В романе известного французского социального автора Пьера Гампа—„Анкета“—выведены пивные в Лилле с их сидельцами. Герою романа, производящему анкету в городе, представитель пивоваренного завода говорит: „Для того, чтобы пивная хорошо функционировала и продавалось много пива, нужно, чтобы в ней или была проститутка, или был секретарь профессионального союза“. Я был в Лилле как раз в то время, когда обсуждался перед французским партийным съездом проект резолюции об алкоголизме. При мне видный местный партийный деятель дой казывал в самом революционном тоне, что никакие частичные улучшения положения рабочего класса невозможны до полно-социальной революции, и что всякие меры борьбы против алкоголизма следует отвергать, как питающие вредные иллюзии. Я тщетно пытался ему доказать, что революционный марксизм во-все не заключается в том, чтобы сидеть сложа руки и заниматься только словесной пропагандой без борьбы за немедленное улучшение положения рабочего класса, и что, в частности, борьба против алкоголизма является нашей неременной обязанностью, при чем совершенно неверно говорить о бессилии законодательства против алкоголизма. Он горячо на меня набросился, обвиняя меня в реформизме, в стремлении сеять вредные иллюзии и провозглашать частичные лозунги и т. д. Когда он ушел из комнаты, мне сказали: „Зачем вы с ним спорите? Ведь он получает 25%“.

Нет ничего более отвратительного, чем лицемерие этого слоя дельцов, в устах которых все эти революционные фразы—не только пустая шумиха, но опозорение революционных идей, низкое средство надуть революционно чувствующие массы и злоупотреблять энтузиазмом доверчивых последователей. Сиделец пивной называется на французском народном жаргоне „бистро“, и господствующий в Лилле слой всемогущих партийных дельцов называют „бистрократия“. Они хорошо умеют держать в руках все еще верящую им и, во всяком случае, верящую в революционные лозунги массу. Партийные секции они сумели лишить всякого значения. Вся власть сосредоточена в руках многочисленной исполнительной комиссии, в которой заседают все влиятельные целовальники, члены городской думы, депутаты парижского парламента и т. д. Там все решается, там все обдывается. Собрание партийных секций—это или местные небольшие собрания в отдельных кварталах, где или прочитывается неинтересный реферат, или идет чисто техническая работа по подготовке какой-нибудь манифестации, или каких-либо других внешних актов партийной жизни; или многолюдное общее со-

бране всей партийной секции города, где раздаются иногда очень бурные голоса протеста против деспотически господствующей клики, но где все эти протесты, путем умелого руководства, сводятся на-нет. Протестующие не организованы и отлично знают, что не могут сесть на место искусных и умелых, прошедших долгую школу партийных лидеров. Поэтому все ограничивается бурными криками и все остается по старому. Лидерские сферы стоят все время на-чеку, и если из массы выдвигается какой-нибудь энергичный деятель, дающий о себе знать, то или его искусно завлекают в свою среду и дают ему удовлетворение, или же, если он неподкупен, умеют его раздавить, выбросить вон, сделать безвредным. Во главе всей лилльской организации стоял один из влиятельнейших депутатов-социалистов Франции, хитрый Делори, великолепный знаток марксизма, умнейшая и тончайшая бестия, насквозь испытанный во всех тонкостях партийной и парламентской политической жизни. За ним действительно значатся очень крупные заслуги по созданию северных французских рабочих организаций. Его деятельность протекала больше в Париже, а в Лилле он просто освящал своей фигурой существующий партийный режим и способствовал его поддержке и подавлению всякого сопротивления. Рядом с ним местный диктатор, державший в руках все нити лилльских махинаций и закулисную работу по поддержке диктатуры клики,—отвратительнейший делец, типичный целовальник Сен-Венан. Я много встречался с теми живыми, полными энтузиазма молодыми силами, которые наталкивались на непроходимую стену партийного режима, и главная из ненависть обрушивалась на руководителя и душу исполнительной комиссии—Сен-Венана. Встречался я и со стариками, сохранившими неизменный революционный жар давно минувших дней своей молодости, оставшимися верными не только идеалу, но и практике революционного пролетарского движения, и, стискивая кулаки, с дрожью негодования и ненависти в голосе, они говорили о Сен-Венане и других развратителях местного движения. Они говорили: „Мы чувствуем, что подходит время великих битв, решающих социальных сражений, а наш рабочий класс не только к ним совершенно не подготовлен, но растерял то, что у него прежде было, и виною этому наши никуда не годные руководители“. И действительно, самое могущественное местное рабочее движение Франции представляло картину полного развала: на собрания местных организаций могущественного текстильного профессионального союза не приходил почти никто. На бумаге они числились, эти сильные много-

численные рабочие армии, они даже взносы платили, на собрания же они не ходили. В партийных организациях постоянными посетителями были небольшие кучки энтузиастов, готовых во всякое время отдаться мелкой технической партийной работе, но вся их столь преданная работа была нечто в роде кружения белки в колесе. Это не было революционное классовое движение. Я был в городе Рубэ—это одна большая рабочая армия. На выборах жители города почти сплошь голосуют за гэдистских кандидатов. Имя Гэда там осталось священным, везде красуется его портрет, его лозунги не умерли в рабочей массе. И что же? Для того, чтобы эти самые люди, с неизменной верностью за него голосующие, приходили на его избирательные собрания, необходимо было эти собрания соединять с кинематографическими представлениями. Великолепный первоклассный оратор, с аскетическим лицом апостола, с чудно округленной классической фразой, с дрожащим от революционной страсти голосом—Жюль Гэд мог иметь аудиторию только в том случае, если он выступал в перерыве между какими-нибудь глупейшими кинематографическими пьесами. Я вынес от этих собраний самое ужасное воспоминание. Дается пошлейшая кинематографическая пьеса, и потом на сцену выходит революционная фигура старика Гэда с глазами, плакающими восторженным экстазом, со страстной речью, ему хлопают, и потом опять идет пошлейшая кинематографическая пьеса. И вся присутствующая рабочая армия не пришла бы, если бы не было этих пьес. Мне говорили из среды рабочих: „Зачем я пойду слушать Гэда? Все, что он говорит, я заранее знаю наизусть, это все одно и то же, я всему этому верю, я со всем этим согласен, но мне совершенно бесполезно слушать то, что я знаю наизусть. Я заранее могу сказать все, что я от Гэда услышу“. При отсутствии революционной борьбы, при неподвижности политической жизни, гэдистская тактика превратилась в простое повторение одних и тех же фраз, а под прикрытием этих фраз процветали дельцы. Человек, желавший хорошо устроиться, покупал несколько гэдистских книжек и заучивал наизусть некоторое количество фраз, в результате ему удавалось попадать в диктаторские господствующие лидерские сферы, получить теплое местечко, хорошо устраиваться и вместе с другими душиť все живое в рабочем движении.

Фламандцы очень любят хождение по улицам со знаменами и всякими эмблемами. И в Бельгии, и в департаменте Севера процветают кортежи, демонстрации, процессии, загородные прогулки с музыкой и знаменами. Эти загородные прогулки вошли

в местные нравы и пользуются большой популярностью. Партийные секции с толпой сочувствующих, с красными знаменами, с оркестром духовых инструментов во главе, шествуют по улицам соседних деревень и местечек, и жители высыпают из домов и говорят: «Вот идет социал». В этих процессиях большую роль играют организации маленьких детей, созданием которых во всей Франции занимаются кооперативы и которые в северной Франции достигли большого развития. Эти маленькие дети, так называемые «питомцы», получают от своей организации особенный костюм, для них устраиваются особые увеселения и игры, взрослые товарищи много занимаются их развитием соответственно с требованиями их возраста. В Лилле и окрестностях эти детские организации функционируют очень успешно и пользуются большим покровительством местных партийных кругов. И вот на таких же основаниях последние вздумали организовать рабочее юношество. Они думали, что рабочее юношество будет точно также представлять мягкую глину в их руках, будет покорно приходить на устраиваемые ими увеселительные и спортивные начинания, будет удовлетворяться участием в процессиях и пением «Вот идет молодая гвардия», будет покорно слушать, что ему будут преподносить назначенные старшими педагоги. Организации «молодых гвардий» в Лилле и соседних городах предполагались по шаблону организации маленьких детей и должны были точно также служить к вящей славе и способствовать более крепкому господству партийных лидерских сфер. Но не тут-то было!

Я как раз был в Лилле, когда разгорелась самая ожесточенная, самая яростная борьба между организацией молодежи, решившейся бросить смелый вызов диктатуре местных развращенных дельцов и всесильной кликой последних. Я сам принял горячее участие в борьбе молодежи, полной революционного настроения, идеалов, нового понимания партийной жизни, против мертвящей «бюрократии». Те старики, которые остались верны идеалам молодости и которые с неизменной ненавистью смотрели на партийных диктаторов, сгруппировались вокруг смелых молодых новаторов, и тут отчетливо бился пульс новой героической революционной пролетарской жизни.

Я не могу не помянуть грустным словом восторженного воспоминания и величайшего уважения молодого руководителя лильского юношеского движения, настоящую натуру избранника, полного энтузиазма, таланта и энергии, молодого идеалиста, временно погибшего во время войны, тов. Брюно. Он был душой

юношеского движения. Я с ним близко сжился и с величайшим восторгом вспоминаю о его действительно исключительной личности. Это был 17-тилетний юноша с зачатками туберкулеза, уже сгорбленный, но поразительно полный жизни и энергии, с неослабевающим ни на минуту стремлением к идеалу и борьбе. Его отец был в свое время партийным деятелем, рано умершим от туберкулеза и оставившим в наследство своей вдове и сыну небольшую гостиницу с пивной. Это обстоятельство представляло большое удобство, потому что там могли собираться преследуемые старшим поколением юноши и спокойно совещаться между собою, никем не тревожимые. Там, в этом мрачном и невзрачном доме, переживались несравненные минуты революционных восторгов, мечтаний о революционной борьбе, товарищеского обмена мыслей на почве революционных идеалов. Когда разразилась война, я уехал из Лилля и потерял тов. Брюно из вида, но мне писал о нем из Парижа хорошо известный мне партийный товарищ, который во время войны имел возможность за ним близко следить. Он писал мне, что Брюно остался верен своим революционным идеалам, и как только пришла весть о Циммервальде, он один из первых с восторгом поднял циммервальдское знамя и был ярким циммервальдцем до последней минуты своей жизни, пока не сразила его в Шампане неприятельская пуля. Его влияние на окружающих юношей было огромное. Некоторым недостатком его была излишняя властность: у него была настолько сильная воля, что он с трудом выносил противоречие. Но именно его сильная воля, его блестящий быстрый ум подчиняли ему окружающих, и он был естественным природным вождем лилльского юношеского движения. Рядом с ним был его помощник Лонгрэ, принадлежавший к новому нарождавшемуся революционному слою рабочего движения—прекрасный тип молодого революционера. В маленькой узкой улице рабочего квартала находился кабачок с партийным сидельцем, где официально собиралась юношеская группа и где в известные часы вечером сходились обыкновенно Брюно, Лонгрэ и их близкие товарищи. Там обсуждалось нами политическое положение, там мы выясняли между собою, как ответить на какой-либо новый удар старшего поколения, там мы говорили о перспективах рабочего движения вообще. Вместе с нами были и близко к нам стоявшие старики, продолжавшие вместе с нами жить той же революционной жизнью, какой они жили в дни своей молодости, и не утратившие своего юношеского жара во всю свою долгую жизнь и при всех превратностях попавшей в болото партии.

Эти незабвенные вечера ярко врезались в моей памяти, и, я уверен, в памяти всех других участников.

Много помогал нам белый ворон среди партийной олигархии, симпатичнейший, талантливейший депутат Гескьер, великолепный народный оратор с голосом пророка, весь проникнутый искренностью и горячим энтузиазмом, не особенно тонкий политик, вечно затираемый руководящими сферами партии, но слишком любимый массами, чтобы быть совершенно отстраненным. Он приходил к нам и принимал участие в наших дискуссиях, когда начались собрания с целью изучения научного социализма. В течение сезона 1914 — 1915 г. предполагалось в виде ряда лекций и дискуссионных собраний систематически ознакомить организацию с научным социализмом. Гескьер охотно применял дискуссионные способы, вызывая членов организации на споры и на самостоятельные выступления.

Но не этим было, главным образом, поглощено наше внимание. Партийные сферы думали, что юношеская организация будет точно таким же беспрекословным объектом их педагогического воздействия сверху, как детская организация „питомцев“, между тем как партией в Париже уже была принята конституция „социалистической молодежи Франции“, уже были признаны права юношеских организаций на самостоятельность в сфере собственной работы и права их членов на участие в партийной жизни. „Молодые гвардии“ Лилля и окрестностей, которых партийные сферы нарочно окрестили этим названием для того, чтобы отличить их от „социалистической молодежи Франции“, ни в коем случае не хотели примириться со своим бесправным подчиненным положением. Они самым настойчивым образом требовали, чтобы им была дана возможность присоединиться к „социалистической молодежи Франции“ и чтобы им были даны все признанные за нею партийные права. Но могущественная партийная организация Северного департамента, самая крупная платежная сила французской социалистической партии, спокойно клала под сукно партийные уставы и постановления, и в ус себе не дула. Осенью 1914 года должен был состояться в Париже очередной конгресс „социалистической молодежи Франции“. Конгрессу должны были предшествовать местные конгрессы в отдельных департаментах. В Северном департаменте сильная партийная секция города Кодри, достаточно крепко стоящая на своих ногах, чтобы не слишком считаться с опекой лилльского департаментского центра, отнюдь не препятствовала юношеской организации своего города вместе с юношескими организациями целого ряда

окрестных местечек созвать требуемый уставом предварительный конгресс. Молодежь Лилля решила обратиться к окрестным городам и, несмотря на грозный запрет партийных верхов, послать делегатов на департаментский конгресс молодежи в местечке близ Кодри. Решившись бросить вызов реакционным и деспотическим партийным верхам, революционно настроенная лилльская юношеская организация сама заменила свое название „молодых гвардий“ соответствовавшим ее стремлениям названием „социалистической молодежи“, означавшим присоединение к уставу и к правам „социалистической молодежи Франции“. Отношения в Лилле были слишком обостренными и невыносимыми; партийные верхи представляли из себя слишком реакционную, мертвящую, деспотическую, контр-революционную силу, чтобы можно было считаться с соображениями партийной дисциплины. Повели агитацию в окрестных городах и местечках, и мне, между прочим, пришлось при этом столкнуться с многочисленными полными жизни и энергии молодыми социалистическими деятелями, систематически затираемыми партийной олигархией, против которой среди всех передовых элементов я встретил величайшее безграничное озлобление. Выяснилось, что не только в области юношеского движения, но и в области женского движения, и в области партийной работы вообще все новое, свежее, творческое систематически затиралось и парализовалось „бюрократией“. Во многих соседних местечках функционировали в высшей степени симпатичные юношеские организации, члены которых были полны энтузиазма и стремления к борьбе и к серьезной работе. Было устроено совместное совещание с представителями некоторых юношеских организаций окрестностей Лилля, и в результате тов. Брюно и несколько других делегатов поехали на конгресс молодежи департамента Севера в местечке около Кодри. Известие об этом произвело в партийных кругах Лилля впечатление разорвавшейся бомбы. Безграничная власть корыстных деспотов, топтавших в партии все живое, казалась серьезно поколебленной. Сен-Венан и компания стали пускать громы и молнии и грозить всевозможными репрессиями. Что юношеская организация в своей новой форме не будет признана местной партийной организацией, это разумелось само собой. Приходилось идти напролом, стоять на собственных ногах и работать собственными силами. Симпатии широких кругов рабочей молодежи были целиком на стороне Брюно и его товарищей, и они с упоением шли на тяжелую борьбу. На состоявшемся около Кодри конгрессе были выбраны делегаты на парижский конгресс „социалистиче-

ской молодежи Франции". Из числа лилльских молодых товарищей были выбраны Брюно и Лонгрэ. Несмотря на партийный запрет, они поехали в Париж, где были встречены парижской „социалистической молодежью“ с большим триумфом. В это время в самом Париже отношения между „социалистической молодежью“ и главными вершителями партийных судеб все более обострялись. Шли смутные толки о том, что закулисные руководители партийной политики уже решили всю партийную поддержку перенести на спортивную и атлетическую федерацию. Достигнуть этого им было не так легко, потому что многочисленные отзывчивые партийные товарищи, и между прочим такие блестящие деятели обеих господствующих фракций, как Кашен и Дормуа, были целиком на стороне молодежи и всеми силами за нее ратовали. В этой напряженной атмосфере появление лилльских юношеских делегатов, приехавших, несмотря на партийный запрет, произвело сенсацию. Лонгрэ был демонстративно выбран членом президиума конгресса, доклад Брюно о борьбе с лилльской партийной организацией был встречен бурными овациями по адресу молодежи и бурными выражениями негодования по адресу партийных верхов, и решено было принять все меры для борьбы за права как лилльской „социалистической молодежи“, так и других организаций, оказывающихся в аналогичном положении. Существование лилльской „социалистической молодежи“ было таким образом торжественно санкционировано общепарижским центром молодежи при участии даже заседавших в президиуме съезда представителей обще-партийного центра. Сейчас же после этого Сен-Венан отправился в Париж, и до нас доходили кое-какие глухие намеки на его переговоры с закулисными руководителями партийной политики на тему об удушении молодежи.

В Лилле в это время начинается усиленная поддержка спортивных юношеских организаций со стороны партии. Им устраивалась всякая реклама, им давались денежные средства, хорошие локалы и возможность всякими внешними приманками привлечь несознательные элементы из широких кругов рабочей молодежи. Большого успеха все эти стремления не имели. Члены этой организации рассматривались другими как дрожащие перед своими родителями дети, опасавшиеся выйти из повиновения старшим, лишенные при том всякой инициативы и сколько-нибудь сознательных стремлений, и пользовались большим презрением.

Как раз в этот момент обострившихся до крайности отношений между лилльской „социалистической молодежью“ и партийными верхами начался предшествовавший войне международный

кризис. В воздухе запахло близкой войной, все шовинистическое, реакционное и черносотенное поднялось во весь рост, стало громко кричать и отравлять всю атмосферу. Само собой разумеется, Брюно, с его неукротимым революционным темпераментом, и все группировавшиеся вокруг него молодые товарищи не могли ни в коем случае оставаться при этом в бездействии. Решили, несмотря на все препятствия, устроить антимилицаристическую демонстрацию. Об этом узнали партийные верхи и сейчас же в самом грозном тоне выступили против намерения „социалистической молодежи“. Эти якобы социалистические дельцы, с лицемерными ложно-революционными фразами на устах, со своими вечными пустопорожными повторениями оскверняемых ими марксистских лозунгов, были в действительности просто лакеями господствующих классов и агентами капиталистических верхов общества. Последним надо было поднять волну шовинизма, и Сен-Венан и компания должны были во что бы то ни стало удержать от выступления искреннюю боевую пролетарскую молодежь и юношескую организацию. Но революционную энергию т. Брюно и его друзей нельзя было подавить. Еще раз они пренебрегли партийным запретом, пошли с красным знаменем на улицу, устроили демонстрацию. В результате было произведено несколько арестов. Власти, однако, не хотели создавать мучеников, и через несколько дней арестованные были освобождены. И вот произошел новый конфликт с партийными верхами. Юношеская организация решила отправиться торжественным шествием к зданию тюрьмы, со знаменами и музыкой, чтобы встретиться с триумфом выпускаемых из тюрьмы товарищей. Еще раз партийный запрет был оставлен без внимания. Торжественная встреча перед тюрьмой состоялась, и затем было устроено чествование вернувшихся товарищей в задней комнате той маленькой пивной, где организация регулярно собиралась. Когда мы возвращались домой, мне и некоторым другим пришлось проходить по улице, где находилась пивная Сен-Венана. Передо мной на некотором расстоянии шли трое молодых товарищей, и вот я видел, как на пороге пивной показалась грузная фигура, грубая, типичная меднолобая физиономия мелкотравчатого дельца Сен-Венана. Он позвал этих троих товарищей к себе, и, проходя мимо ярко освещенного окна его кабака я видел, как эти скромные юноши стояли, понурив головы, с раскрасневшимися лицами, и он их распекал. На следующий же день мы узнали, что предполагались самые сильные репрессивные меры против всех ослушников.

Однако, события развернулись с неожиданной головокружи-

тельной быстротой, стало известно о германском ультиматуме—и все остальное было забыто. Взволнованный до последней степени прибежал в наше место собраний тов. Брюно: „Городская большая площадь перед ратушей вся черна от народа,—сказал он,—надо идти туда, надо демонстрировать“,—и в последний раз перед окончательной катастрофой Брюно и его товарищи пошли с красными знаменами, и среди бушующей шовинистической толпы, среди животных криков ненависти мужественно провели последнюю демонстрацию против войны.

Война началась, мне пришлось спешно покинуть Лилль, и с тех пор я оказался совершенно оторванным от лилльской „социалистической молодежи“. Только через близкого мне партийного товарища из Парижа я узнал о начатой т. Брюно борьбе за циммервальдские лозунги и о его безвременной смерти.

XIII.

Во время войны я был оторван от юношеского движения мате-
рика, и сведения о крупных исторических выступлениях органи-
заций молодежи, о той заметной роли, которую она сыграла в
начинавшемся тогда подъеме и объединении революционных про-
летарских сил против империализма и мировой реакции, дохо-
дили до меня только урывками. Всем известно, что еще значи-
тельно ранее Циммервальда первым международным революцион-
ным пролетарским съездом, восстановившим интернациональное
пролетарское объединение в борьбе против войны и реакции,
была международная юношеская социалистическая конференция,
состоявшаяся в апреле 1915 года в Берне. Были приняты лозунги
борьбы против войны, против капиталистических правительств и
против социал-патриотов, и было постановлено бороться за разрыв
гражданского мира между классами. В результате международ-
ное юношеское движение начало усиленную революционную
агитацию и борьбу против войны, поведшие к бесчисленным
жертвам. Сотни выдающихся юношеских деятелей были брошены
в тюрьмы, и в тюрьме погиб даровитый молодой итальянский
юноша-агитатор Мариноцци. Юношей, агитировавших в войсках,
или отказавшихся подчиняться начальству, расстреливали, мно-
гих из лучших деятелей юношеского движения в наказание по-
сылали в траншеи. После бернской конференции функциониро-
вало новое интернациональное юношеское бюро, находившееся
уже в Цюрихе. Товарищ Мюнценберг, сделавшись интернацио-

нальным юношеским секретарем, стал во главе развивавшегося под влиянием юношеской организации движения. Было решено проводить ежегодно осенью так называемый „юношеский день“, в который должны были устраиваться многолюдные манифестации, народные собрания, демонстрации против войны, за мир и за социализм, и должны были распространяться листки, протесты, воззвания. Эти ежегодные выступления юношеских организаций были ими широко использованы и сыграли большую роль в развитии их революционной работы. Первый „юношеский день“ состоялся в октябре 1915 года, второй— в сентябре 1916 года, третий— в сентябре 1917 года; четвертый „юношеский день“ в 1918 году был превращен в грандиозную манифестацию сочувствия жертвам борьбы, проведенной юношескими организациями.

Тов. Мюнценбергу и вообще швейцарской юношеской организации выпала в эти годы особенно важная, ответственная роль. В 1916 году в „юношеский день“ впервые в Швейцарии пулеметы были пущены властями против молодежи. Швейцарские юношеские социал-демократические организации вели агитацию среди солдат, борьбу с социал-предателями, и в то же время продолжали борьбу за принцип самостоятельного юношеского рабочего движения; профессиональные союзы грозили лишить их всяких субсидий, создать параллельные организации для борьбы с ними, но юношеские организации отказались подчиняться социал-предателям. Победа осталась за юношеским движением, как и вообще за революционным течением, на партийном конгрессе осенью 1917 года. После крупных волнений и стачек, разразившихся в Швейцарии в ноябре 1917 года под влиянием нашей октябрьской революции, тов. Мюнценберг был арестован и приговорен к тюремному заключению, но приговор не был утвержден, и власти его интернировали сначала в Вицвиле, затем в Мейлене, и, наконец, выслали его из Швейцарии. После него международным секретарем был тов. Арнольди, который некоторое время спустя был также арестован. В течение всего этого времени центральное бюро международной юношеской организации выпускало каждые три месяца журнал „Юношеский Интернационал“. Всего вышло 11 номеров этого журнала.

Яркую революционную позицию заняли в это время юношеские социалистические организации Соединенных Штатов, где до войны юношеское движение было слабым. Центр организации находится в Чикаго, и в 1916 году она насчитывала 6000 членов. Выдающимся революционным деятелем был ее секретарь тов. Крузе, который, после вступления Америки в войну, напи-

сал произведшее в Америке сильное впечатление „Письмо к Вильсону“ с осуждением правительственной империалистической политики. Он призывал не подчиняться правительству. Будучи подвергнут судебному преследованию, тов. Крузе был заключен в тюрьму. Власти подвергали американскую юношескую организацию всяким преследованиям; между прочим, почта не рассылала ее органа.

В Канаде юношеская социалистическая организация была основана уже во время войны. Ее центр находился в Виннипеге. Она с большим энтузиазмом провела „юношеские дни“.

Полнейший переворот произошел во время войны в германском юношеском рабочем движении. Установленный в 1908 году в Нюрнберге режим повел к тому, что в момент начала войны официальным партийным кругам удалось подавить среди германской социал-демократической молодежи всякое массовое сопротивление и сделать невозможными в ее среде серьезные выступления против войны. Однако, даже в первый момент объявления войны, всеобщему угару, охватившему повсеместно массы, не поддались несколько вполне сознательных революционных товарищей. Это были т. Либкнехт и кроме него, главным образом, уцелевшие остатки „молодых“ первого периода германского юношеского движения, не изменившие прежнему знамени.

Перелом в широких массах социал-демократической молодежи наступил очень скоро. Издаваемый партией для молодежи орган „Рабочая Молодежь“ занял настолько невыносимую предательскую социал-патриотическую позицию, партийные руководители „юношеских домов“ и члены „комиссий по юношеским делам“ вели такую откровенно циничную социал-предательскую политику, что уже в конце 1914 года молодежь стала массами покидать „юношеские дома“, юношеские кружки и все устраиваемые старшими для молодежи организации. Во главе быстро развивавшегося среди германской молодежи революционного движения стал опять по-старому тов. Карл Либкнехт. Весной 1916 года делегаты революционных юношеских организаций съехались в Иене, где их съезд был открыт речью Либкнехта. Для отвода глаз созданная в Иене организация получила безобидное название „юношеского образовательного ферейна“. „Иенские резолюции“ сделались революционным катехизисом нового германского юношеского движения: разрыв гражданского мира между классами, классовая борьба в полном объеме, восстановление Интернационала и противоположение его Интернационалу империализма и войны, отказ от всех организационных соединений

без внутреннего единства—вот главные лозунги этих резолюций. Молодежь усматривала в этом восстановление старого юношеского движения, заданного партией в 1908 году. Ближайшим опаснейшим врагом нового юношеского движения была центральная партийная комиссия по делам молодежи, которая пускала все средства в ход, чтобы его раздавить. Главным же врагом была, конечно, государственная власть, всячески его преследовавшая. Начинается массовое дезертирство, сопротивление военным начальникам, нелегальная агитация на фабриках, в армии и во флоте. Члены „юношеского образовательного ферейна“ становятся в большом числе во главе нелегальной революционной работы во всей Германии.

Промежуточные половинчатые элементы, составлявшие независимую социал-демократическую партию, создали вскоре и свое юношеское движение и организации и выставили свои тезисы половинчатого характера с полуконтролем партии над юношеской организацией. Постепенно, чем больше в массе молодежи росло революционное настроение, тем больше левели вечно неустойчивые независимые. В это время приверженцы революционного юношеского движения, члены „юношеского образовательного ферейна“ гибли массами, подвергались всяким репрессиям, посылались в траншеи или наполняли собою тюрьмы. Революционное юношеское движение было, наконец, настолько обескровлено, и в то же время независимское движение настолько успело полеветь, что остатки первого признали возможным объединиться со вторым. Объединение между ними произошло перед самой германской революцией на обще-германской юношеской конференции в Берлине в октябре 1918 года. Была создана единая организация,—„свободная социалистическая молодежь Германии“, которая стала издавать орган „Молодая Гвардия“. Базисом объединения были тезисы, принятые на октябрьской конференции, и во всем основном воспроизведшие „иенские резолюции“ 1916 года. В них заключалось, однако, много нового, отчасти навеянного русской революцией, отчасти воспроизведенного из многолетнего опыта революционных элементов юношеского движения. В пяти принципиальных тезисах конференция высказалась: 1) за систему советов; 2) против всех форм капиталистического милитаризма, даже против милиции, но за самое энергичное участие в революционной пролетарской красной гвардии; 3) за участие молодежи в общем революционном пролетарском движении в его целом, в котором она должна идти в первом ряду, и за создание в то же время самостоятельной юноше-

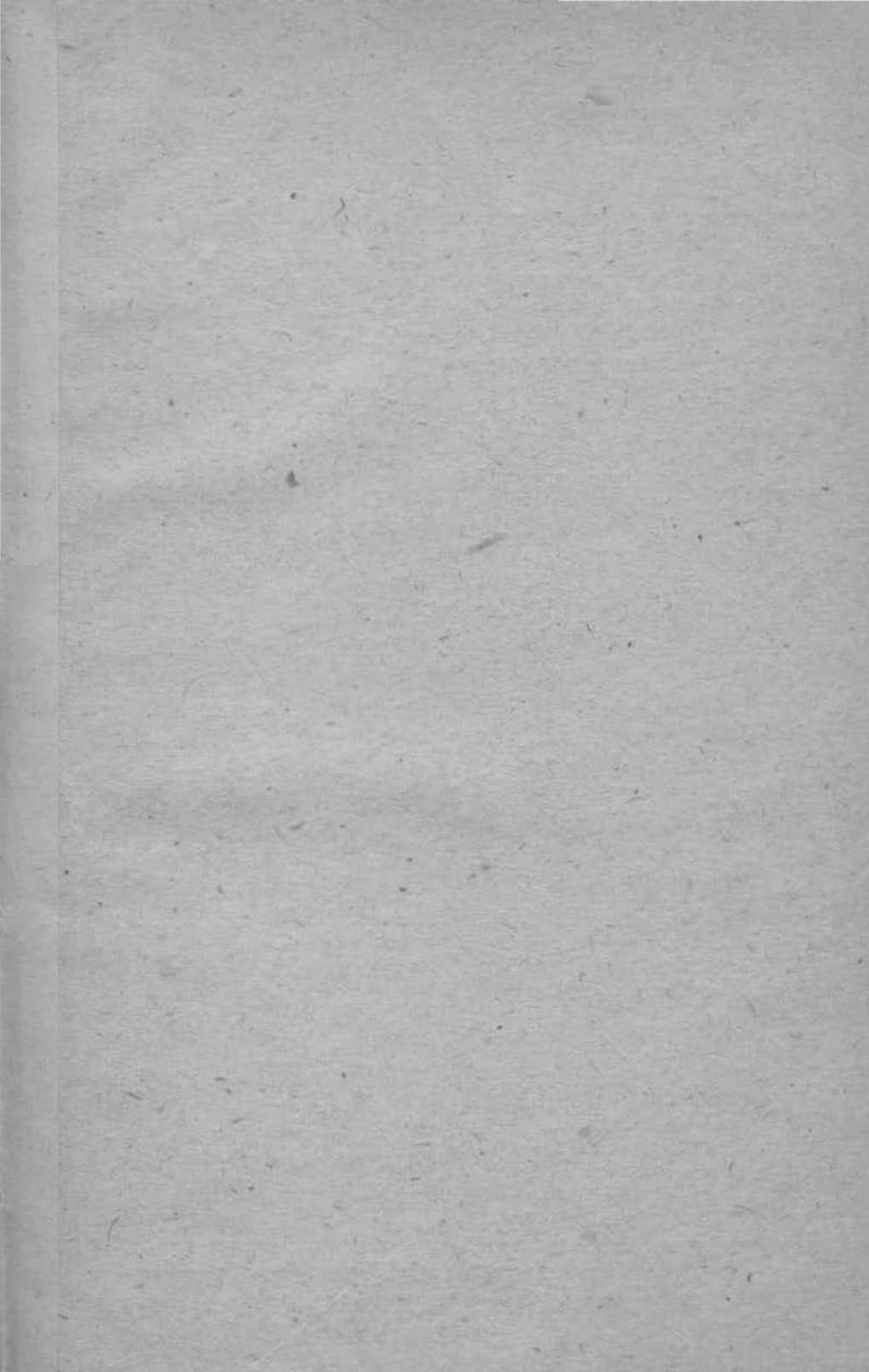
ской организации в области ее собственных интересов, и, вместе с тем, за полное устранение реакционных, созданных в Нюрнберге „комиссий по делам молодежи“; 4) за перенесение центра тяжести юношеской организационной жизни в фабричные юношеские комиссии, вообще за принцип воспитания путем живой работы и за проникновение молодежи политикой; 5) за устранение всех стеснений и ограничений, тяготевших на молодежи, и за полное право молодежи участвовать во всех решениях, касающихся ее интересов.

Произошла германская ноябрьская революция. Масса томившихся в тюрьмах революционных молодых товарищей вышла на свободу, борьба разгорелась во-всю, и „свободная социалистическая молодежь“ почти целиком примкнула к спартаковцам. В декабре 1918 года состоялось заседание международного юношеского бюро в Берлине. В виду трудностей по его созыву, участники были недостаточно многочисленны, и решено было созвать *возможно скорее* в более полном составе международное бюро и затем юношеский международный конгресс. Орган „Юношеский Интернационал“ решено было издавать ежемесячно и международное бюро решено было перенести в Штутгарт. Возгоревшаяся в Германии беспрецедентная борьба потребовала новых жертв, и в Штутгарте были арестованы тов. Мюнценберг, итальянский выдающийся молодой товарищ Массиано, молодой поэт Бартельс и др. В январские дни „свободная социалистическая молодежь“ приняла самое энергичное участие в борьбе спартаковцев на улицах Берлина, и в феврале состоялась ее первая конференция при новой обстановке. Было выяснено, что, за одним исключением, все местные группы стоят на коммунистической точке зрения и за разрыв с независимыми социал-демократами. На этой конференции организация была централизована, решено было на местах создать крепкие группы и сделать тип организации единообразным, при чем центр тяжести организации решено было перенести в „юношеские комиссии“ на фабриках и заводах. Впервые произошел разрыв со старым типом организации, группировавшим местную секцию вокруг местного клуба или локала вне всякой связи с работой юношей в промышленных предприятиях. Вместо этого организационная жизнь должна была быть перенесена в самое предприятие. Организация насчитывала в это время 90.000 членов и 180 местных групп.

Февральская конференция германской революционной молодежи завершает прошлое и отчасти открывает новое будущее. Из многолетней, перенесенной юношеским движением борьбы

были вынесены основные принципы, ясно сформулированные в октябрьских тезисах германской молодежи. В окончательной схватке за установление коммунистического строя юношеской организации было уделено историей видное место в первых рядах революционных борцов. С установлением же коммунистического строя перед ней становятся уже новые задачи и ей ставятся новые требования, но в этот новый мир она переносит выстраданные и завоеванные долгой борьбой основные принципы: воспитание самой живой работой и борьбой, а потому полное участие в политической жизни наравне со взрослыми; передовая творческая роль молодежи, как особенно отзывчивой к новым требованиям всякого исторического момента среды, и потому участие ее в первых рядах в политической борьбе при завоевании лучшего будущего; необходимость для нее самостоятельности и самостоятельности в виде особых организаций молодежи в сфере ее собственных интересов и потребностей, но в органической связи с политической жизнью в целом.

Впечатления, воспоминания и общие выводы, зафиксированные мною на предыдущих страницах, помогут, надеюсь, выяснению того, с какими невероятными трудностями, с какой тяжелой борьбой пришлось пробираться, или вернее, продираться чрез колючие тернии на простор юношескому движению, в полном смысле слова выстрадавшему и завоевавшему свои основные принципы, при чем неиссякаемый источник энтузиазма в юношеской груди, на базисе творческих экономических сил истории, неуклонно увлекал рабочую молодежь на правильный путь, предначертанный ей историей, к великим целям будущего.

Цена 25 руб.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Госуд. Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва — 1920.

Aut 403

